

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

И. В. БОГОВОЙ

ШЕНКУРСКОЕ  
ВОССТАНИЕ

(ЗАПИСКИ)

АРХАНГЕЛЬСК  
1924

### Вместо предисловия.

Брошюра „Шенкурское восстание“ не исчерпывающая история этого события, бывшего накануне полной оккупации Северного края. Вследствие того, что автор ее во время восстания находился в осажденной казарме, а после в тюрьме — возможно, что ряд моментов остались ему неизвестными.

Брошюра была написана под свежим впечатлением пережитого во время первых дней организации Вельско-Шенкурского направления Северного фронта в г. Вельске Вологодской губернии. Многих материалов и документов под рукой не было. Этот пробел удалось отчасти пополнить после — в Шенкурске, а затем уже и в Архангельске.

В январе 1924 года по инициативе Архангельского Истпарта было устроено собрание участников Шенкурских событий на котором, между прочим, присутствовало несколько человек и тех, кто был в то время на стороне повстанцев. Рукопись была зачитана и незначительные поправки, внесенные отдельными товарищами, были учтены.

Но и после этого, как уже указано выше, автор считает свои „записки“ только материалом для будущего историка борьбы за Советскую власть на Севере вообще и в Шенкурском уезде в частности.



**Г. А. ИВАНОВ**—первый Председатель Шенкурского  
Уисполкома и его жена М. М., Иванов умер в  
белогвардейской тюрьме в 1919 году.

# ШЕНКУРСКОЕ ВОССТАНИЕ.

(Записки).

---

## I.

28 июня, 1918 года. Полночь. В здании „присутственных мест“ против памятника М. В. Ломоносову, давно уже окончены все занятия. У входа, под большими старинными колоннами, позевывает часовой. В большой комнате верхнего этажа, среди облаков табачного дыма, виднеются знакомые лица: Степан и Андрей Поповы, Новов, Р. Пластинина, Щенников, Яунозолынь, Костылев, Р. Буликов и другие.

Экстренное заседание Архангельского Губисполкома.

В порядке дня телеграмма Народного Комиссара по военным и морским делам т. Троцкого.

Краток и как всегда энергичен телеграфный язык вождя пролетарской революции:

— Дальнейшее пребывание на Беломорском побережье иностранных вооруженных отрядов нетерпимо. Принять все меры к удалению или разоружению...

А отряды эти есть. И даже в самом Архангельске. С Мурманна доносятся уже вести о высадке десанта „союзников“. Известно предательство Мурманского краевого совета.

Прения кратки... практичны...

О чем говорить? Могут-ли быть принципиальные разногласия? Нет! Революции грозит опасность... Значит необходимо все мобилизовать на ее защиту...

— Итак, прения закончены. Приступаем к голосованию поступивших предложений. Пункт первый:

— На случай неизбежности разоружения или расформирования сербо-итальянских отрядов находящихся в Архангельске и возможного отсюда вооруженного столкновения с англо-французскими вооруженными силами, — немедленно объявить мобилизацию.

— Кто за?.. против?... воздерживается?.. Принято!.. Пункт второй:

— Мобилизацию распространить на всю губернию, поручив проведение ее Губернскому Военному Комиссариату и обязать его разработать план мобилизации, каковой представить на утверждение Губисполкома не позднее 29 июня в 20 часов... Мобилизацию начать с призыва 19 года. Настоящее постановление представить на утверждение происходящего Губернского Съезда Советов в заседании его 29 июня...

— Кто за?.. Принято!.. Пункт третий:

— Для принятия всех мер мирного удаления или добровольного разоружения сербо-итальянских отрядов — вступить в переговоры с французским консулом... Согласиться на возможное предложение французского консула разоружить сербо-итальянские с тем, чтобы оружие отрядов было сдано французскому консульству под его охрану... Ведение переговоров поручить коллегии пяти, в следующем составе: Мих. Новов, Ст. Попов, Р. Пластинина, Анд. Попов и Павлин Виноградов.\*)

— Принято!..

Заседание окончено. Часть товарищей идет вести переговоры с консулами „союзников“, другая будет делать приготовления к возможному конфликту.

Ночь. В городе тишина. Выход ночью на улицы воспрещен. В городе объявлено военное положение. Проходят патрули. Изредка доносится:

— Ваш пропуск?

\* \*

\*

\*) Протоколы закрытых заседаний Губисполкома за 1918 год, дело № 41. —

— Мы — коммунисты — заявляем: мы за гражданскую войну, за создание крепкой Красной армии. Передайте крестьянству на местах, чтобы оно не боялось гражданской войны, ибо гражданская война — это и есть революция. Только через гражданскую войну рабочие и крестьяне придут к своим идеалам. Только путем закрепления своей боевой мощи, путем создания Красной армии и закрепления международной солидарности мы доведем нашу революцию до логического конца. Иных путей нет...

Большой зал здания Архангельского Городского Совета, где заседает 2-й Губернский Съезд Советов, дрожит от дружных аплодисментов, заглушающих последние слова речи т. Метелева\*)

Постановление Губисполкома о мобилизации принимается. За него голосуют все, кроме фракции, так называемых „независимых“.\*\*)

Принимается воззвание от Губернского Съезда Советов.

Через несколько часов на заборах:

Товарищи рабочие, крестьяне красноармейцы и Краснофлотцы!

Наступил решительный момент, когда решается судьба Рабоче-Крестьянского Правительства и вместе с ним всех завоеваний революции, добытых с большим трудом — ценою моря крови, пролитого лучшими товарищами в борьбе с заклятыми врагами пролетариата и беднейшего крестьянства. Со всех сторон гидра контр-революции протягивает свои отвратительные щупальцы, чтобы задушить нашу святую революцию. Хищники империализма и капитализма, как наши так и иностранные, окружили нашу Советскую Республику железным кольцом и во чтобы то ни стало хотят вернуть прежнюю

\*) Тов. Метелев был командирован ЦК РКП (бол) на Губ. Съезд Советов в Архангельск и работал до 4—5 июля, после чего он был командирован Губисполкомом в центр для доклада о положении Архангельска. Теперь работает в Москве.

\*\*) По партийной принадлежности состав 2-го Арх. Губернского Съезда Советов разбивался следующим образом: коммунистов — 109 чел., левых социалистов-революционеров — 87 чел., „независимых“ (правые есеры, меньшевики и беспартийные) — 44 человека.

власть, прежнее свое господство, прежнюю эксплуатацию труда пролетариата и беднейшего крестьянства.

Явные и тайные контр-революционеры, в лагере которых мы видим правых социалистов-революционеров и меньшевиков, протягивают свои подлые руки к бывшим нашим союзникам, которых навязал нам Николай Кровавый и которые в настоящий момент хотят захватить Архангельскую губернию и все побережье Северного Ледовитого Океана с Белым морем.

Вы знаете, товарищи, что Архангельская губерния в настоящее время является одной из отдушин Советской Республики для сношения с внешним миром и гибель Архангельска— есть гибель Русской Социалистической Республики. Это знают русские контр-революционеры, это знают международные капиталисты.

Учитывая надвигающуюся опасность со стороны бывших союзников и опасность со стороны контр-революционных элементов—Архангельск объявлен на военном положении, которое не должно пугать мирных граждан города и честных труженников. Военное положение введено крестьянами и рабочими для решительной борьбы со своими врагами—революционерами.

Эти подлые контр-революционеры, в своей ненависти к Советской власти, желают во чтобы бы то ни стало свергнуть Рабоче-Крестьянскую власть. В своем ослеплении зовут врагов, чтобы уничтожить не только Советскую власть, но и все завоевания революции. Они забывают, что бывшие союзники не будут щадить нас, а снимут с нас последнюю шкуру, чтобы удовлетворить свои аппетиты, а наш северный край превратят в свою колонию и будут угнетать, как угнетают рабов в своих колониях, разбросанных по всему миру.

Товарищи, если вы не хотите получить такую судьбу, вы должны все, как один человек во имя защиты Советской Республики, вступить в ряды Красной армии для защиты своих собственных интересов и быть готовыми к бою, если вас позовут на борьбу с капиталистами, мородерами и банкирами.

Другого пути нет!

Или должна быть железная диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства, которая крепко держит знамя революции, защищающей интересы деревенской и городской бед-

ноты. И тогда не один контр-революционер нам не страшен и мы тогда будем являться той грозной силой, что никто не посмеет посягнуть на наши права. Или-же, если у вас революционный пыл заглох и судьба революции вас не интересует—тогда будет диктатура буржуазии, которая вас будет расстреливать за всякую попытку восстановления человеческих прав и вы тогда опять будете свой пот и свою кровь проливать во имя интересов гучки каиновых сынов.

Тогда будет поздно!

Или диктатура пролетариата, или диктатура капитала!

Третьего пути не дано!

Перед вами стоят великие задачи настоящего момента,— защита социалистического отечества, защита своего существования. Вступайте в ряды Красной армии. Учитесь военному искусству и организуйте всеобщее обучение во всех уголках, где это возможно. Вам дадут опытных инструкторов в достаточном количестве. Вам дадут и оружие. Только не теряйте драгоценного времени и сейчас-же приступайте к выполнению своих священных обязанностей. Пусть вас вдохновят героические примеры рабочих и крестьян красного революционного Петрограда и Москвы. И тогда нам не страшен никакой враг. Будьте сильны сознанием величия переживаемого момента и покажите себя, что и вы достойны своих товарищей Петрограда и Москвы.

Да здравствует Красная армия, защитница завоеваний революции!

Да здравствует Российская Социалистическая Советская Республика!

Да здравствует III Интернационал!

Да здравствует пролетарий и беднейшее крестьянство Беломорского края!

\* \*

\*

## III.

... решением Архангельского Губисполкома 2 июля, основанного на постановлении 2-го Губернского Съезда Советов, объявлена мобилизация...

Гудят телеграфные провода по лесам и тундрам необъятного Архангельского края... Нервно выстукивает телефонист свои точки, тире точки...

... объявлена мобилизация. Согласно декрета Совнаркома от 12 июня: первое—призыву подлежат рабочие и крестьяне, не эксплуатирующие чужого труда, родившиеся в 1893—97 г.г. включительно в количестве .... человек. Второе одновременно реквизируется ... обозных лошадей с хомутами и упряжью, ... повозок.

## IV.

6 июля 1918 года. Тот-же зал во втором этаже здания— „присутственных мест“, те же клубы табачного дыма. Закрытое заседание Губисполкома. Доклад Губвоенкома т. Зеньковича\*) о ходе мобилизации.

... в Архангельском уезде мобилизация идет удовлетворительно. В Холмогорском уезде ничего почти не сделано, но военный комиссар работает энергично, отношение масс доброжелательное. В Шенкурском уезде дела не важны. Я это приписываю военному комиссару. Из Пинежского уезда сведений нет.

В общем мобилизация дает удовлетворительные результаты. Предлагает объявить по всей губернии военное положение и послать на места агитаторов...

\*) Тов. Зенькович зарулен белогвардейцами на ст. „Исакогорка“ при отступлении советских отрядов из Архангельска в первых числах августа 1918 года.

Принимается предложение тов. Павлина Виноградова\*) „послать в каждый уезд по одному члену Губисполкома, передавая ему полноту власти по мобилизации и поручив ему всем авторитетом Губисполкома организовать дело мобилизации. На помощь дать 2—3 хороших агитаторов“.\*\*)

По уездам уполномачиваются следующие товарищи: Шенкурский у.—Новов, Олунин и Вялов, Пинежский у.—Щенников и Блохин, Архангельский у.—Пав. Виноградов, Варакин и Вас. Виноградов, Холмогорский у.—Рудкин и Буревалов.

Одновременно было установлено, что уезжающие товарищи будут называться чрезвычайными военными комиссарами и им будет предоставлено право смещения уездных военных комиссаров.

\* \* \*

\* \* \*

## V.

18 июля 1918 года. Шенкурск. Помещение воинской казармы. Уже несколько дней заседает 6-ой Шенкурский Уездный Съезд Советов. Делегаты резко разделились на две группы—правые и левые. Несколько раз правые уходят со съезда и снова возвращаются. Центральный вопрос—проведение мобилизации.

На трибуне чрезвычайный военный комиссар по мобилизации тов. М. С. Новов. Длинные черные волосы. Большая окладистая борода. Смелое открытое лицо. В своей всегдашней синей рабочей куртке с четким металлическим гососом он привлекает внимание всего зала.

— Товарищи! Мы стоим перед началом величайших событий. Империалисты Англии и Франции хотят набросить петлю на шею рабочего класса и трудового крестьянства,

\*) Тов. Пав. Виноградов—Зам. Председателя Архангельского Губисполкома, ездил для подавления восстания в Шенкурске; после эвакуации из Архангельска командовал Двинским фронтом. Убит в бою на Сев. Двине в сентябре 1918 года.

\*\*) Протоколы закрытых заседаний Арх. Губисполкома за 1918 год, дело № 41.

хотят забрать в свои руки богатства нашего Севера. Они хотят закрыть единственную отдушину, через которую мы еще имели возможность сносятся с границей... 2-й Губернский Съезд Советов решил объявить мобилизацию... Мобилизация нужна как для защиты от нападения со стороны империалистов Англии и Франции, так и для защиты от нападения со стороны бело-финов, банды которых орудуют под командой немецких инструкторов... Мурман уже оккупирован „союзниками“. За последнее время в Архангельск систематически прибывали маленькие отрядики чехо-словаков, сербов, итальянцев, англичан и французов. С какой целью—ясно. Они хотели скопить отряд и захватить власть.

Мы (Губисполком) потребовали от иностранных консулов разоружения этих отрядов, но получили отказ. Тогда разоружили без согласия г. г. консулов. Но этим, очевидно, вопрос еще не разрешается. Нужно каждую минуту ждать дальнейшего продвижения „союзников“. Ясно, как день, что они одним Мурманским побережьем не ограничатся. Они пойдут дальше. Их силе нужно противопоставить нашу силу. А силы наши пока слабы. Необходимо срочно произвести мобилизацию...

Обсуждение вопроса о мобилизации было отнесено на второй день (19 июля). Целиком за немедленное проведение мобилизации высказывались большевики, но их на Съезде была очень небольшая группа. Левые эсеры, все время работавшие в контакте с большевиками, в этом вопросе колебались. Одни были за мобилизацию, другие что-то туманно говорили о „всеобщем вооружении трудящихся“. Более определенно была настроена первая часть Съезда (кулаки, правые эсеры и офицерство). Вот заявление офицера Ковицкого:

— Докладчик говорит, что мобилизация не для войны, а для обороны. Это не так. Если объявляется мобилизация— объявляется война. Мне хочется знать сильны-ли мы и целесообразна-ли мобилизация... Militarизм нас толкает к войне. Если мы хотим дать отпор, то необходимо народное вооружение, а не частичное. Может быть есть давление со стороны на объявление мобилизации (намек на немцев! И. Б.)... Мобилизация нецелесообразна и нелепа...

Местные „анархисты“ заявили:

— Мобилизация—это война. Правящая партия говорила перед Октябрьским переворотом, что она против войны. А теперь она навязывает войну народу. Вопрос о войне должен быть решен всем народом.. Мы—анархисты—против войны и против мобилизации. (А. Добрынин).

Горячую отповедь дал тов. Новов в заключительном слове всем выступавшим против мобилизации.

— Мобилизация,—заявил он,—объявлена не для защиты одной только партии коммунистов, стоящей у власти. Мобилизация объявлена для защиты Советской власти, власти рабочих и крестьян. И в первую очередь для защиты Севера от иностранных разбойников. Мобилизация решена не центральной властью, а волей Губернского Съезда Советов. Хотите-ли вы защищать свою власть, свои хаты, свои пожитки? Вы должны это сделать.

— Дайте гарантию, что войны не будет и мы будем голосовать за мобилизацию!—кричит с места офицер Ковицкий.

Ему отвечает тов. Олунин:

— Вам нужна гарантия? Извольте. Войны мы не объявляем и не собираемся объявлять. Мы будем лишь обороняться...

Несколько раз голосуются различные предложения. Ни одно не собирает большинства. Наконец, после нескольких жарких часов, левой части Съезда все же удается провести резолюцию, которой „Съезд вменяет в обязанность всем своим членам разъяснить подробное положение дел на местах, дабы избежать излишних эксцессов при проведении мобилизации“. \*)

При выборах Исполкома правое крыло настаивало на организации коалиционного Уездного Исполкома, но левое категорически заявило, что ни в какие соглашения с наемниками Антантовской биржи оно не пойдет. Правые отказались от голосования. В Исполком были избраны только левые своими голосами.

\* \*

\*

\*) Протоколы 6-го Шенкурского Уездного Съезда Советов, июль 1918 г.



Съезд закончился. Переизбранный Уездный Исполком приступил к приемке дел. И первым вопросом, вопросом боевым, вопросом стоявшим в порядке дня—было проведение мобилизации.

Объявляя населению о том, что мобилизация во чтобы то ни стало будет проводиться, Исполком в своем обращении к трудящимся уезда, писал:

... Товарищи! Чехо-словаки, буржуазия и соглашатели заняли Самару, беспокойно в Сибири, социал-предатели привели немцев на Украину и отдали ее во власть буржуазии. Наши бывшие „союзники“, своими жадными лапами, добираются до единственной отдушины, через которую Советская Россия может сноситеся с границей, через которую мы можем доставать все необходимые для народного хозяйства—до Архангельской губернии.

Наш смертельный враг, лютый и кровожадный зверь—всемирный капитал идет на нас войной. Он хочет в реках нашей крови, в море слез, в горе рабочих и крестьян затопить и нас и добытые нами, столь тяжелой борьбой,—свободы. Он безжалостно истребляет наших лучших и смелых борцов, разгоняет Советы, расстреливает тех, у кого мозолистые руки, отнимает землю у крестьян и возвращает ее помещикам и богатылям. Он хочет так придушить нас, чтобы и дети наши, и внуки не в силах были бы подняться и освободить себя от гнусного рабства.

Навстречу ему—всемирному капиталу—радостно ликуя, поднимаются наши буржуи, наши помещики, наши кулаки, мародеры, попы. Они бьют черный набат, организуют разбойничьи банды, поднимают на восстания то казаков, то чехо-словаков то темные, бессознательные массы трудящихся.

Учитывая все это Губернский Исполнительный Комитет, на основании декрета Совета Народных Комиссаров и согласно постановления 2-го Архангельского Губернского Съезда Советов, постановил призвать в ряды защитников революции пять призывных годов (родившихся с 1893 по 1897 г. г. включительно).

Враги трудящихся действуют из-вне и из-внутри и все для того, чтобы уничтожить нас, уничтожить все наше достоинство и снова медленно, но верно подкрадываются к нам злобные враги. Поймите всю, величайшую, смертельную опасность идущую к нам. Из волости—в волость, из деревни—в деревню, из дома—в дом—ударьте красный набат!

Зовите всех на свою защиту! Пусть с востока и запада, с юга и севера нашего Шенкурского уезда потекут смелые и гордые бойцы. Все, как один, встанем на защиту революции, земли и воли, на защиту своих родных очагов.

Ни одного колеблющегося, ни одного усталого, ни одного труса не должно быть в наших железных рядах.

Все к оружию пока не поздно!

Наши товарищи—рабочие и крестьяне Украины думали в свое время, что враг далек, что он не дойдет до того или иного города, до той или иной деревни. Они ошиблись. И теперь жестоко наказаны за эту ошибку. Враг пришел и взял их почти голыми руками. Теперь, видя весь ужас положения, испытывая на собственном горбу весь страшный гнет старых и новых господ, они восстают, но георганизованно и поэтому гибнут тысячами, десятками тысяч. Да не повторим мы их ужасные ошибки. Не будем ждать, когда враг заберется в нашу избу.

Мы зовем тебя—трудоу народ—в этот страшный, последний и решающий час встретить врага стальной щетиной красных штыков!

Все, кто способен носить оружие, кто не хочет быть рабом, кто не хочет самодержавной плети,—идите в ряды защитников революции, своих хат, поля, детей!...

Теснее сплотим свои ряды!

К оружию!

Да здравствует всемирное восстание трудящихся!

Да здравствует всемирная революция!\*)

\*) Перепечатано с черновика, хранящегося у автора.

## VII.

Воззвания и приказы по мобилизации отпечатаны. Помню их было много. Всюду: на заборах, на стенах домов, на столбах.

Около воззвания группы спорящих. То возбужденно спорят, то таинственно, с видом заговорщиков, о чем-то шепчутся.

Атмосфера сгущалась. Разные слухи ползли и создавали целые легенды. Говорили, что в Архангельске Советская власть пала, что в других уездах и губерниях молодежь отказалась мобилизоваться, что всюду восстания, разгоняются Советы, что вообще Советская власть доживает последние дни.

Чего-то все ждали. Что-то должно было произойти, но во что выльется это неведомое „что-то“ мало кто тогда себе представлял.

\* \* \*

## VIII.

Воскресенье, 21 июля 1918 года. В этот день утром я был в д. Борок (4—5 верст от Шенкурска). Там тоже все жилось ожиданием чего-то страшного, необычайного. Старухи испуганно крестились, ожидая наступления „конца мира“, крестьяне зарыли в землю свое имущество....

Приготавливали убежища, куда можно было-бы укрыться . . . спрятаться..

Напрасно я пытался уговаривать их. Напрасно говорил, что слухам вообще мало нужно верить. Никто меня не слушал... не верили...

Кой-кто тихонько, „по секрету“, передавал, что верхние волости вооруженные идут вниз, чтобы разогнать Исполкомы, отобрать хлеб в нижних волостях и увезти его кверху и т. д..

Все это передавалось „по секрету“ и „из самых достоверных источников“...

Приходили члены „Никольской военно-революционной организации\*)“ и спрашивали: что делать??

\*) Эта организация была создана нами в начале 1918 г. из фронтовиков. Председатель ее т. Д. И. Едемский после был арестован „союзниками“ и умер на Иоканьгской каторге.



И. В. БОГОВОЙ—Председатель Шенкурского Исполкома во время восстания в 1918 году и после до марта 1920 года.

Что можно было сказать им? Что посоветовать?

— Вудьте наготове! Смотрите зорко за кулачем!

Вот все, что можно было сказать им.

Одно было ясно: надвигаются события, во время которых каждый революционер должен быть на своем посту.

В деревне делать было нечего. Нужно было идти в Шенкурск. Понуту зашел еще за одним товарищем и вдвоем пошли в город.

Яркое летнее солнце все залило своим блеском. Луг пестрел, как красиво узорчато вышитый ковер. Шептались о чем-то между собой листья придорожных ив. Хотелось лечь под куст, подышать полной грудью воздухом, напоенным ароматом цветов, послушать о чем шепчутся листья... мысленно унести вслед за легкими, прозрачными облаками... отдохнуть...

Но предчувствие чего-то большого гнело, не давало покоя, сознание того, что твое место там, где революции грозит опасность—заставляло ускорить шаги и через несколько минут мы были в Шенкурске.

Смольный\*). В общежитии несколько товарищей. Все волнуются. Товарищи: Новов и Олуин, узнав, что в селе Спасском (5 верст от города) собрался митинг вооруженных, подлежащих мобилизации, поехали туда. Поехали одни—без вооруженной силы, желая еще раз раз'яснить затемненной молодежи цели и мотивы объявленной мобилизации.

— Если к пяти часам вечера не вернемся,—уезжая скакали они,—то знайте, что мы арестованы.

Скоро пять часов. Товарищей со Спасского нет. Сажу в своей комнате, пытаюсь работать. Но не работается. Несколько членов Исполкома в соседней комнате строят предположения... планы...

## IX.

В селе Спасском, красиво раскидавшемся на высоком обрывистом берегу Ваги, сегодня небывалое оживление. То в том,

\* ) „СМОЛЬНЫЙ“—дом б. воинского начальника в Шенкурске—помещение общежития членов Уездного Исполкома.—

то в другом конце деревни собираются группы молодежи. Разговор один—о мобилизации. А вокруг снуют бывшие царские офицеры.

— Не ходить! Выступать против мобилизации!.. Пойти в Шенкурск и арестовать всех!

Они уже организовали „штаб“. Во главе б. офицеров—карниловец Максим Ракитин.

Кто-то в'ехал в село на взмыленной лошади. Подбежали. Запыхавшийся и вспотевший местный кулак рассказывает:

За реку со мной переехали! Скоро будут здесь!.. Новов и второй в очках-то, как его...

— Олунин?

— Во! Он самый! Выступал на с'езде.

... Собрались. Говорить почти не дали.

— Арестовать!...

— В реку!...

— От них все это!...

## X.

... относительно ареста моего и т. Вялова, а также Новова и Олунина рассказываю следующее. В ожидании возвращения со Спасского Новова и Олунина мы пошли по дороге из Шенкурска на Блудкову лесом. Вдруг нас остановили окриком:

— Стойте! Руки вверх! Будем стрелять!..

Мы остановились. Толпа человек в 25—30 окружила нас и об'явила арестованными.

...Шли с конвоем несколько часов. В одной из деревень на правом берегу Ваги увидели Новова и Олунина. Завели туда и нас. Собралась группа кулаков. Часть из них была пьяна. Кулаки разошлись во всю:

— Убить их сейчас-же! Чего церемониться!..

— Загнать сволочей в баню, облить баню керасином и зажегчи!.. Пущай горят!..

Один кулак даже предложил для этой цели свою баню.

После нескольких часов сидения в этой деревне нас перевели в помещение школьной бани в с. Верховье. Окно заколотили. Тут сидели несколько дней. Нам дали по куску чер-

ствого хлеба. Новов есть категорически отказался, заявив, что он об'являет голодовку. Потребовал перевода в лучшее помещение.

...Вскоре нам предложили перейти в другое помещение... что-то вроде хлева. Новов и Олунин итти отказались. Их вили за ноги, поволокли по улице, все время избивая прикладами и издеваясь...

... Меня потом перевели в Шенкурск и посадили в архив, а Новова и Олунина повели куда-то дальше, по лесным дорогам.. (крестьянин Смотроковской вол. Усов).\*)

\* \* \*

## XI.

Незнакомые шаги... голоса...

— Кто тут есть?

— В чем дело? Кого вам?

— Нам нужно видеть Председателя Уездного Исполкома...

Выхожу. В столовой „Смольного“ двое молодых незнакомых людей. Физиономии офицерские.

— В чем дело?

— Мы видите-ли, тов. Боговой, — начал первый, — пришли к вам по одному делу. Пришли, чтобы предложить вам издать приказ о разоружении красноармейцев, находящихся в Шенкурске и все оружие передать нам...

— Как вам?

— Собственно не нам, а отряду пославшему нас..

— Отряду?.. Какому отряду?..

— Отряду мобилизованных, который остановился под городом и ждет вашего ответа.

— Но, ведь, Красная армия организована согласно указаниям центра и постановления Уездного С'езда Советов... Так сказал уезд устами своих доверенных и ваше требование, — требование небольшой группы солдат, подлежащих мобилизации, — не может быть выполнено...

\*) После им удалось бежать и они измученные и избитые лесными тропами, пытались годами через несколько дней пути добрались до железной дороги.

— Много-ли нас мы не знаем,—важно заявил второй,—это... военная тайна... При том в отряде много граждан и не подлежащих мобилизации.

— Почему же вы обратились в Уездный Исполком? Ведь вчера был опубликован приказ № 7, по которому по всем вопросам, касающимся мобилизации и вообще вооруженной силы надлежит обращаться к чрезвычайным Комиссарам по проведению мобилизации Новову, Олунину и Вялову...

— То было вчера,—зло улыбаясь сказал первый,—сегодня положение резко изменилось... Вы знаете — „чрезвычайников“ уже нет...

— Как нет?.. Сегодня они поехали на Спасское на митинг и скоро должны возвратиться...

— Знаем... Поехали на митинг... и там арестованы... Наверное уже приказали долго жить...

— В таком случае, идемте в военный комиссариат. Там обсудим...

Пошли вчетвером: два „делегата“, Вас. Боговой и я.

\* \*  
\*

## XII

Уездные военные комиссары т.т. Долгобородов и Кожевников принимали дела от старого военкома и несмотря на праздничный день — работали... Работала и часть служащих комиссариата.

Поговорили о создавшемся положении и решили созвать пленум Уездного Исполкома, на который пригласить представителя красноармейского отряда (отряд был около 30 человек).

С „делегацией“ уговорились встретиться в 8<sup>1/2</sup> часов вечера на окраине города (воскресенское кладбище), при чем предупредили, что в случае если у „делегации“ не будет документов уполномочивающих их на переговоры, то ни в какие переговоры вступать с ней не будем. Наши уполномоченные будут иметь соответствующие документы и определенный ответ...

„Делегация“ ушла...

Кто-то из товарищей сообщил, что по городу распространяются слухи о прибытии большого отряда мобилизованных и полном вооружении руководимого офицерами, об аресте бывшего Председателя Уездного Исполкома т. Г. Иванова, и восстании мобилизованных в соседних уездах...

Пленум собрался быстро. Ознакомились с требованиями „делегации“. Все, как один, с негодованием отвергли их, заявив, что такие требования невыполнимы, что только через наши трупы они смогут разоружить красноармейцев...

Представители красноармейцев заявили, что отряд умрет, но оружия, без приказа Советской власти, не сдаст и будет воевать до последнего патрона, до последнего человека...

Заседание кончилось... Вынесенную на собрании резолюцию и мандаты вручили двум товарищам, которым было сказано, что если со стороны мобилизованных не будет документов, то ни в какие переговоры не вступать....

\* \*  
\*

## XIII

Никто не уходил из помещения военного комиссариата (б. казарма), где только что был пленум Уездисполкома. Одного из товарищей отправили на телеграф, чтобы вызвать к прямому проводу Губ.исполком — передать ему о всем происшедшем и просить помощи.

Город притих в ожидании... Ни звука. Был теплый летний вечер. Солнце уже на половину спряталось за лес и окрашено все в пурпурный цвет... Казалось сама природа была в ожидании чего-то, притихла... притаилась... замерла...

Вот, вот, что-то будет... что-то сейчас должно произойти... И делалось как-то неловко от неизвестности... хотелось, чтобы все, что должно произойти, происходило скорее... сейчас.

Пришли с телеграфа. Стали читать ленту. Незаметно на землю спустились сумерки.

Выстрел... звон разбитого стекла. Пуля шлепнулась в стену, осыпая штукатурку: Далеко, далеко в лесу звонко откликнулось эхо... сорвалась с сосен стая испуганных птиц... полетела, крича, вглубь леса...

Это был их выстрел. Выстрел из леса в окно военного комиссариата. Далеко разнесся звук первого выстрела и возвестил, что в уезде началась гражданская война.

Болью в сердце отозвалось эхо этого первого выстрела; душа болела за тех, кого затемненного разсуждениями о насильственной мобилизации, повели против Советов. Хотелось еще раз пойти к ним, еще раз раз'яснить за кем они идут, куда... хотелось заставить опомниться пока не поздно, но...

Снова выстрел... второй... третий... четвертый... много выстрелов. Треск выстрелов... звон разбиваемых стекол... шлепанье пуль о каменные стены казармы... крики... чьи-то стоны, — все слилось в один дикий гул, дикий кошмар, дьявольский концерт...

Мы все схватились за винтовки. Встали у окон. Пулемтики быстро налаживали пулеметы...

-- Тра-та-та-та!.. — через мгновение начал выстукивать пулемет, словно кто-то палкой водил по сухой ивовой изгороди. Смеялось диким смехом пулемета далекое лесное эхо...

Полоса пуль с бешеной быстротой, со свистом разрезая воздух, сметает на своем пути все живое...

Стихло... как то сразу, точно оборвалось. И снова замер город. Прокатилось по лесу, ухнуло где-то вдали и замолчало... Тихо шумели своими лохматыми шапками столетние сосновые гиганты, да где-то далеко за рекой, должно быть в деревне, пели. Слов не разобрать, доносился лишь мотив — тоскливый, за душу берущий...

Около казармы лежал, широко раскинув руки, убитый... В казарме перевязывали перебитую разрывной пулей руку пулеметчика. Не было перевязочного материала. Разрезали на длинные полосы простыню... забинтовали.

\*  
\*  
\*

Началось...

Всю ночь простояли около окон, крепко сжимая в руках винтовки.

Иногда поднималась перестрелка, но стоило только пустить в ход „максимку“ как сразу все на несколько времени стихало.

Утро. На первый взгляд город точно вымер. Все сидят, очевидно, попрятавшись в своих квартирах. С чердака, в слуховое окно, где у нас наблюдательный пункт, видно что жители квартала, расположенного около казармы, тихонько пробирались подле заборов, таскают свой скарб в ближайший лес.

Выйти в город из осажденной казармы уже невозможно. Казарма окружена со всех сторон окопавшейся за ночь, по всем правилам военной техники, цепью. Стоит только показаться около окна, как десятки пуль летят туда, противно шлепаясь в стену казармы.

День прошел сравнительно спокойно. Согрели чайник, попили чаю, с'ели по куску хлеба и снова все на своих постах.

Для руководства обороной выбрали военный совет, или „военную коллегия“ как ее тогда называли, из пяти товарищей.

Снова ночь. Темно, хоть глаз коли. Все у окон. Зорко всматриваемся в темноту. Настороженное ухо ловит малейший шорох.

Тихо... вдруг что-то... шуршит... стихло... снова шорох... треск сухих сучков... шаги....

Зрение и слух напряжены. Нет это не обман утомленного воображения... уже отчетливо слышны шаги.

Это „они“...

Вероятно думают наступать.

Пулемет на месте... Крепче прижимаем к себе винтовки... На опушке леса что-то черное, безформенное, извилистое, шевелится. Это ползет цепь... Так и хочется „взять на мушку“, но революционная дисциплина прежде всего. И ждем...

— Стреляй! — говорит шопотом член комиссии.

— Стреляй! — как шум легкого ветерка пронеслось от окна к окну

Ба—бах! бах!.. много выстрелов.. трещит пулемет.. там и тут всыхивают огоньки..

Секунда... две... пять... десять и снова все стихло. Только доносится треск сломанных сучьев и топот убегающих.

„Атака“ отбита.

И так до утра. Несколько раз пытаются они пробраться, то группами, то в одиночку, к осажденному зданию, но не спят наши часовые.

Рассветало. Принесли на чердак большой плакат с надписью: „Да здравствует Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика“!. Высоко подняли его над крышей казармы и легкий ветерок ласково развернул полотнище.

Десятки пуль сразу „ранили“ его, но оно, как ни в чем не бывало, продолжало гордо развеиваться над осажденной казармой, в которой засела, окруженная со всех сторон, горсточка людей готовых отдать все, до жизни своей включительно, на защиту октябрьских завоеваний, за права трудящихся.

\* \*  
\*

## XV.

Незаметно спустилась на землю третья ночь.

Никто еще не спал с того времени, как раздались первые выстрелы. Все устали.. утомились.. но духовно были бодры.

Этой ночи я никогда не забуду.

Была сильная гроза. Гром потрясал здание. Казалось порой, что сами небеса обрушатся на нас. Дождь лил как из ведра. Молния то и дело прорезала темноту и на мгновение освещала, стоящий в зловещем молчании, лес.

Я сидел на чердаке, у слухового окна и зорко смотрел в темноту. Три бессонных ночи давали себя чувствовать. Удары дождевых капель о железную крышу... темнота... дремота одолевает... Глаза помимо воли смыкаются и ты уже далеко от казармы...

Выстрел... Быстро отлетела дремота... Снова холодная действительность. Затрещал пулемет... выстрелы... гром... огоньки выстрелов... молния... темнота... дождь... и временами освещаемый, загадочно могучий лес... Безумно хохочет пулемет... смеется... издевается... спорит с громом..

В темноту несется живо-огненная лента пуль и „стрижет“ ветви деревьев... несет смерть всему живому, что встанет на ее пути.

Ночь прошла. Стихла буря.

У нас пятеро раненых. Несколько товарищей заболело. Нет медикаментов, нет материала для перевязки ран. Разрезали еще несколько простынь, использовали полотенца.

Кто-то из товарищей предложил вызвать медицинскую помощь. Как ни смешно и детские наивно может показаться это предложение теперь, тогда оно было принято почти всеми. Взяли простыню, написали на ней красными чернилами „Нужна медицинская помощь“ и выбросили над крышей.

Целый час мы не стреляли. В слуховое окно было видно, как белые подходили подле заборов и разглядывали флаг. Они, очевидно, думали, что мы едаемся. Но прочитав надпись сразу же уходили. Никто не пришел. После передавали, что один из фельдшеров хотел пойти, но Ракитин сказал:

— Пусть подыхают, сволочи!

Плакат сняли. Будем сами лечить раненых.

\* \*  
\*

## XVI.

...Роботная рука пулеметчика начала загнаиваться. Кто-то из товарищей посоветовал для предотвращения заражения крови, облить раненое место кипятком. На каменном полу костер. Согрели чайник... сказали раненому... Нужно было видеть его: укусив до крови нижнюю губу, он не проронил ни звука в то время, как „заваривая“ кипятком раненое место, ему приносили нечеловеческие страдания. Только алая кровь пробрыз-

нула из прокушенной губы. Потекла по нервно вздрагивающему подбородку и стала капать на холодные каменные плиты пола большими каплями...

Среди осажденных в казарме была женщина. Коммунистка Р. А. Пластинина. Своей непоколебимой верой в идею, бодростью, неутомимостью она заставляла нас—мужчин—подтягиваться, не поддаваться слабости... усталости...

Она также не спала. Перевязывала раненых, ухаживала за больными, ободряла падающих духом.

Все устали... глаза слипались... но ни у кого и мысли не было о сдаче. Чутко прислушивались не идет ли пароход из Архангельска. Уверенность в том, что Архангельск знает о нас, поможет... выручит... придавала сил и бодрости.

Да, и, ведь, одураченные солдаты поймут-же, наконец, что их обманули, что их сделали слепым орудием борьбы против Советской власти, против самих себя и повернут штыки на своих руководителей—белогвардейское офицерство—наемников Антанты

Все печки в казарме разломали. Кирпичами заложили окна нижнего этажа, оставив только бойницы...

В крепость превратилась казарма.

\* \*  
\*

## XVII.

И снова выстукивает точки, тире, точки телеграфист и снова гудят телеграфные провода:

... власть насильников везде свергнута точка арестованы восставшим народом руководители двоеточие Новов зпт. Олуния зпт Вялов и Георгий Иванов точка

...Шенкурск руках восставших точка Большевитский Исполком предатели красноармейцы Васильем Иваном Боговыми засели казарме производят обстрел города точка Немедленно организуйте боевые дружины направляйте Шенкурск при полном вооружении точка Экстренно передайте смежные волости точка

Восстание началось среди мобилизованных южных волостей уезда. На первом общем собрании присутствовали мобилизованные 11 волостей. Само собой разумеется, что к ним сразу же примкнули б. офицерство, часть учительства, чиновничества и городские торговцы.

Власть перешла в руки „Комитета мобилизованных“, в который вошли: восемь б. офицеров, один учитель и один студент.

Вместо уездного комиссариата по военным делам организован „Военный Комитет“ из трех лиц: М. Равитин (офицер), А. Ельцов (учитель гимназии) и С. Шилов (бывший писарь главного штаба).

Не без интересно отметить, что добрая половина из приведенных были социалисты-революционеры, по крайней мере выдавали себя за таковых.

Командантом Шенкурска был сначала офицер Родимов, но через несколько дней был переизбран и на должность команданта набран офицер Исупов, а помощником ему офицер Худовиков.

Одним словом одураченные солдаты, как и следовало ожидать, остались у разбитого корыта. Контрреволюционное офицерство вместе с прислужниками буржуазии захватили власть в уезде в свои, запачканные в крови бедноты, руки.

Сразу же почти организовалось отделение „Союза Возрождения России“, которое начало выпускать газетку „За народ“.

В нижние волости, не примкнувшие к восстанию, были посланы „делегации“ которым поручалось „вести агитацию за посылку отрядов в Шенкурск и за восстание против насильственной мобилизации“.

Нижние волости волновались, так как слухи ходили самые разнообразные... Но некоторые волости уже начали подниматься и протестовать против восстания. Начали собираться на общие собрания, выносить постановления протеста против повстанцев.

„Послушав доклад о положении в Шенкурске, мы, граждане Сметроковской волости, постановили:

1. Требовать прекращения вооруженного выступления, а вопрос о мобилизации провести организованным путем. Всякое



сепаратное противосоветское выступление на руку противному вам лагерю. Всякия насилия со стороны мобилизованных будут нами считаться направленными против трудового народа и рабоче-крестьянской власти. Мы просим восставших мобилизованных посмотреть куда они идут. Наш враг — буржуазия потирает руки от удовольствия, смотря на наши выступления против Советов, против самих же себя. Помните пример Украины. Чтобы не допустить этого мы все, с оружием в руках, выступим на защиту нашей власти. Предлагаем немедленно снять осаду казармы.

2. Принимая во внимание положение Шенкурска, а главное Исполнительного Комитета, постановили сформировать отряд, дабы не оставаться пассивными, для чего произвести мобилизацию с 1919 по 1880 год включительно. Подлежащим мобилизации собраться завтра 24 июля к 12 часам дня.

Для связи с соседними волостями постановили послать им копии постановления“.

„Опомнитесь и подумайте, пока не поздно. Посмотрите, что вы делаете...“

Задайте себе вопросы:

- Против кого вы выставили винтовки?
- Кого вы думаете убивать?
- Кто вас поднял на восстание?
- Кому от него польза?
- Чьи распоряжения вы исполняете?

Давайте, вместе, ответим на эти вопросы.

Идете вы против красноармейцев и Исполкома — наших братьев — бедняков, жертвующих своей жизнью на благо трудящихся, борющихся против капитала.

Убивать своих же, самих себя — на радость буржуям, кулакам — мародерам, которые уже подняли свои черные морды и, глядя как дерется между собой беднота, потирают руки от удовольствия.

Подняли вас на восстание прихвостни капитала и вы их распоряжения исполняете — во вред самим себе.

Запомните, что с Мурмана движутся англо-франко-американские войска с целью оккупации Советского Севера и передачи его на растерзание хищникам — капиталистам

Вместе с капиталистами идут на Советскую Россию обманутые чехо-словаки.

Помните, что вы играете на руку чехо-словакам, белогвардейцам и „союзникам“; вы помогаете им в борьбе против Советов; своими выступлениями вы ослабляете наш пролетарский фронт и отдаете и себя и будущее поколение в вечное рабство капиталу. Что скажут наши дети о нас, когда узнают, что мы свою власть Советов — передали собственными руками в лапы буржуазии. Они будут проклинать нас, будут с презрением именовать наши имена.

Подумайте, товарищи, над этим и те, кто поймет — разнесите незаметным.

Теперь несколько слов о ваших руководителях: Ракитин — известный корниловец, офицер монархист; Евсеев — фальшивомонетчик и целый ряд бывших офицеров, которые за деньги готовы сделать все, что прикажут, которые все еще плачут по сорванным с них рабочими и крестьянами золотых погонах.

Там же верховодит социал-предатель А. А. Иванов, считавший себя раньше другом трудового народа, а теперь занимающий должность лакея у Архангельской буржуазии — последнее, очевидно, выгоднее, и др. К вам примкнуло все черное... подлое... продажное...

Остановитесь!

Подумайте!“

*(Из воззвания крестьян Устьважской волости).*

...Имея ввиду всю серьезность переживаемого момента, когда агенты международного капитала, готовые задушить русскую пролетарскую революцию, при помощи своих агентов: кулаков, мародеров и соглядатаев, — вносят умышленно раздор в среду трудящихся считаем своим долгом встать на путь ликвидации и восстания.

... Восстанием руководят враги трудящихся...

... Предлагаем немедленно прекратить стрельбу и не чинить насилий над нашей властью — Уездным исполкомом...

*(Из письма крестьян нижних волостей).*

... Требуем немедленного прекращения стрельбы, освобождения членов Уездного Исполкома — защитников трудовой бедноты...

... Протестуем против контр-революционного выступления ..  
В случае какого-либо насилия против наших выборных — будете отвечать головой перед трудовой беднотой...

Да здравствует власть Советов!  
Да здравствует Уездный Исполком!  
Да здравствует III Интернационал!  
Долой контр-революцию!

(Из пост. крестьян Химаневской волости).

\* \*  
\*

### XVIII.

Ночью „делегация“ с Евсеевым во главе и в сопровождении 25 пехих и 6 конных вооруженных людей прибыла к Смотроковцам. Там уже стоял отряд Смотроковцев численностью около 30 человек тоже вооруженных. Всадники на монастырских лошадях.

— Я предлагаю вам присоединиться к восставшим волостям и идти в Шенкурск! — заявил Евсеев.

— Какова-же цель восстания? — спросили Смотроковцы.

— Необходимо свергнуть власть большевиков и поставить народную, — сказал черносотенец, — большевики насильники, они отобрали у меня землю и лошадей.

— В таком случае мы вам заявляем, что народной властью мы считаем нашу власть — Советскую и никакой иной власти не желаем, — заявили смотроковцы.

Тогда Евсеев стал просить разрешения поставить посты в пределах волости, но и в этом ему было категорически отказано. Старший Смотроковского отряда предложил очистить территорию волости.

В отряде Евсеева случился раскол. Солдаты услышав слова руководителя поняли, что речь идет уже не о мобилизации, а о борьбе с Советами и часть их отколовшись пошла в свою волость, а Евсеев, сопровождаемый всадниками из городской пати, поехал в соседнюю Сметанинскую волость.

В записной книжке Евсеева, которую он оставил в Шенкурке при бегстве после ликвидации восстания, написано в этот день:

„Сволочи, стеганцы“), не примыкают. Чуть не поколотили. Перевесить-бы половину“...

Смотроковцы сразу-же выпустили воззвание к соседней Химаневской волости, где, сообщив о посещении волости „делегацией“ и о словах Евсеева, в конце пишут:

„Будьте на страже! Совместными усилиями мы сможем освободить Исполнительный Комитет и наших соседей и братьев — красноармейцев, которых г.г. Ракинины и Евсеевы хотят расстрелять. Кроме их много арестованных товарищей, сидящих в подпольях и разных клоповниках, переносящих, пытки и издевательства от кулаков, высоко поднявших свои головы.

Товарищи! Время не ждет! В казарме раненым не дают помощи. Трупы убитых загнивают!“...

\* \*  
\*

### XIX.

Нижние волости не примыкали. Обстановка усложнялась. И „Военный Комитет“ предписывает верхним волостям еще выслать людей и оружие:

... Выслать на пополнение отрядов в гор. Шенкурск точно же, по получении сего, следующее количества солдат и оружия:

1. Благовещенская . . . . .	6 чел.	10 винт.
2. Верхосуландская . . . . .	3 —	5 —
3. Верхопадентская . . . . .	4 —	6 —
4. Остахинская . . . . .	2 —	3 —
5. Среднепадентская . . . . .	2 —	3 —
6. Падентская . . . . .	2 —	3 —

\*) „Стеганцами“ называют Смотроковцев. Будто-бы в старину вся волость была выпорота (по местному — выстегана).

7. Устьпаденгская . . . . .	4	—	5	—
8. Шахановская . . . . .	1	—	2	—
9. Шеренгская . . . . .	3	—	4	—
10. Афанасовская . . . . .	4	—	5	—
11. Великониколаевская . . . . .	42	—	43	**)

Необходимо захватить с собой лишнее оружие и патроны, так как положение уезда серьезное и кто не хочет мобилизации и войны, тот поймет это. По возможности, захватите также с собой крупы и сухарей. Скорее спешите на помощь, дабы не было недостатка в вооруженной силе“...

„Приказ“ подписали два бывших офицера—Н. А. Лопатин и Исупов, причем первый „за Председателя Военного Комитета“ и второй—„Член Комитета“.

Комендат города б. офицер Родимов тоже выпустил „приказ“, в котором заявляет, что он „назначен комендантом города Шенкурска и его окрестностей. Лица распространяющие по городу и его окрестностям ложные слухи, направленные против народного (?!) движения, будут подвергаться строгому взысканию. Населению предлагается таких лиц задерживать и доставлять в Штаб (бывшее полицейское управление)“...

Время шло. Казарма не сдавалась.

\* \*

\*

## XX.

Архангельск. Заседание Губисполкома. В Шенкурске творится что-то неладное. После последних разговоров по прямому проводу, где указывалось, что в городе и уезде сильное брожение, ничего больше нет. Есть слухи, что весь Уездный Исполком и члены Губисполкома арестованы.

Что-то нужно делать....

Две точки зрения.

Первая—

срочно послать в Шенкурск вооруженный отряд.

\*\* ) Волости выше Шенкурска.

Вторая—  
попытаться уладить дело мирным путем.

Первую защищает т. Павлин Виноградов; вторую тов. Андрей Попов.

Принимается вторая.

А. П. Попов едет в Шенкурск. С ним мотоцикл и мотоциклист. До Двинского березника на пароходе. Там о положении в Шенкурске знают мало.

Зашел на телеграф. Вызвали Шенкурск. Спросил Шенкурск: „что там делается“.

Начальник Шенкурской п-т конторы ответил, что в Шенкурске идет день и ночь стрельба из винтовок и пулеметов; кто стоит у власти он не знает; часть Исполкома, во главе с Председателем, заперлась в казарме. Казарму окружили мобилизованные. Он же сообщил, что в городе функционирует какой-то „комитет мобилизованных“.

Тогда т. Попов попросил к аппарату председателя „Комитета“. Пришел Ракитин. Попов изложил цель своей поездки, спросил, что нового в Шенкурске и попросил разрешения поехать в Шенкурск, так как по дороге всюду были посты и никеты.

Последовало краткое:

— Приезжайте.... Здесь узнаете, что нового....

Попов, отдав приказание по телеграфу прекратить стрельбу(!) с обеих сторон до его приезда, поехал в Шенкурск

\* \*

\*

## XXI.

... по пути в Шенкурск крестьяне с. Устьяги попросили меня выйти на сход, при чем предупредили, что на сходе будет три белогвардейца, приехавших из Шенкурска и вооруженных с ног до головы.\*)

\*) Идентично на основании показаний т. А. Попова следственной Комиссии Дело о Шенкурском восстании 1918 года—

Не успел я зайти в помещение, где собрался сход, как ко мне подошел некто Щилин и спросил кто я, откуда, куда, заявил, что я арестован, так как в Шенкурске, якобы, ему было приказано арестовывать всех проезжающих.

Крестьяне заволновались, зашумели и в один голос заявили:

— Не дадим арестовывать Попова. Посмотрим еще кто будет арестован: Попов или Щилин...

— Успокойтесь, товарищи! — заявил я, — не надо торопиться с арестами... Прежде послушайте зачем я приехал...

Собрание открылось...

Щилин доложил кратко, что делается в Шенкурске.

Ему задавались колкие вопросы, подчеркивающие контр-революционность руководителей Шенкурского восстания. Присутствовавшие были очень недовольны выступлением и возмущались поступками руководителей.

Затем я сделал доклад о причинах объявленной мобилизации, цели и необходимости ее проведения, мой доклад заинтересовал собрание, оживил... Чувствовалось, что у всех появилось желание и сознание необходимости проведения мобилизации. Все собрание было на моей стороне... Щилин притих...

Сход вынес, почти единогласно, резолюцию о немедленном проведении мобилизации и, пожелав мне благополучно доехать до Шенкурска и все уладить, заявил, что если белые меня задержат, то они выручат, употребив все имеющиеся в их распоряжении средства.

На перевозе к реке Ваге под Шенкурском нас сразу же окружила большая толпа солдат. Узнав, кто я, они закричали:

— Где твой отряд?.. Далеко-ли идет вслед?..

Никаких объяснений не слушали и кричали что надо „набить морду“, „посадить в казарму и поднять, вместе с членами Исполкома, на воздух“...

Разсказывали, что у них приготовлены бочки с керосином, которые дал союз смолокуров показывая на казарму, откуда, слышался треск пулемета, говорили:

— Вся эта сволочь будет сегодня ночью сожжена. Так сказал Ракитин...

Меня посадили в лодку и перевезли в город, где также на пристани стояло несколько десятков белогвардейцев. Один из них выхватил пашку и замахнулся на меня.

Ему закричали! не тронь!.. не тронь!.. не надо... поведем в Ракитину...

В бывшем полицейском управлении меня встретил молодой человек, довольно интеллигентный и отрекомендовался:

— Председатель комитета мобилизованных Ракитин...

В комнате, куда сразу-же привел меня Ракитин, сидело несколько человек, мне незнакомых, и правый эсер А. А. Иванов. И объяснил им цель моего приезда и просил их осветить как началось восстание и каковы его цели.

Они заявили мне, что восстание направлено не против Советов, а против „насильственной мобилизации“, что часть членов Исполкома с красноармейцами сидит в казарме и отстреливается. Вынесено постановление, сегодня ночью зажечь казарму и тех кого, удастся захватить живыми, расстрелять.

Во время разговора в полуоткрытую дверь заглядывали офицеры вооруженные револьверами и пашками и, схибно улыбаясь, рассматривали „комиссара Попова“... К концу нашего совещания пришел правый эсер учитель Тим. Синицын.

Вскоре все ушли на совещание с представителями, якобы, от мобилизованных и вернувшись вручили мне следующее предложение:

„Если вы дорожите жизнью находящихся в казарме и других арестованных, отдайте сейчас приказ, чтобы казарма сдалась, иначе она будет зажжена и арестованные будут расстреливаться“.

На улице, в открытое окно, была видна толпа численностью около 1.000 человек (среди них было много бывшего чиновничества и городской буржуазии). Показывая мне на эту толпу, руководители давали понять, что она пойдет за нами и не перед чем не остановится, в чем, конечно, я не сомневался.

Меня вывели к толпе. Там я увидел правого эсера члена бывшего учредительного собрания от Архангельской губернии А. А. Иванова, который показывая на меня, говорил что,

дескать губернская власть хочет мобилизовать для того, чтобы охранять себя, чтобы крепче держаться за власть и расстреливать трудовой народ.

Он говорил долго и демагогически.

Потом пошли на телеграф. Сзади раздавались негодующие и угрожающие возгласы. Толпа окружила здание телеграфа и рассматривала меня через окно, как диковинку.

С телеграфа меня повели в окопы к осажденной казарме. Было решено войти в переговоры с осажденными. Мы подошли к казарме с белым флагом. Стрельба прекратилась. Я вызвал к окну т.т. Богового и Пластинину....

\* \* \*

## XXII.

... Вечером, под прикрытием пулемета, сбегали за водой на ближайший колодец и приготовились к встрече четвертой ночи.

Эта ночь была похожа на предыдущие. Те же попытки со стороны белых пробраться ближе к казарме, та же неудача, стрельба... Только чаще смотрели на реку—не идет ли парход из Архангельска.

Стало светать. Часовой заметил группу людей, которая, что-то крича и размахивая белым флагом, приближалась к казарме. Сказали нам.

Встали около окон.

Кричат:

— Пусть подойдут к окну Боговой и Пластинина!

Нас предупреждают чтобы не подходили. Могут подстрелить.

— Пусть подойдут!... С ними будет говорить комиссар

Попов.

Отдаем распоряжение прекратить стрельбу, но быть наготове. Подходим к окну. Перед окном улица... по той стороне улицы деревянный забор... около забора люди...

— Товарищ Боговой, это вы?

Узнали по голосу. А. П. Попов—член Губисполкома. Но как он попал сюда? Рой мыслей, тысячи догадок мгновенно проносятся в голове. Неужели это обман? Нет, я знаю его голос... Это он...

— Да это я!.. Но вы-то как попали сюда?..

— Скажите своим товарищам, чтобы не стреляли и мне разрешат говорить с вами, поднявшись на забор...

Распоряжение уже отдано!

Вот он на заборе. В пальто, без шапки. Около забора группа вооруженных людей. Вматриваемся... Один за другим находим знакомых. Вот корниловец—офицер Ракитин, председатель „Союза ревнителей веры православной и защиты женского монастыря“ офицер Родимов, скрывшийся от суда фальшивомонетчик Ерсеев и др. Около в сторонке, несколько человек мобилизованных из верхних волостей. Они удивленно и с любопытством рассматривают нас.

— Скажите товарищ Боговой, есть-ли у вас хлеб?—спрашивает Попов.

— Есть!

— Вода?

— Тоже!

— Сколько вас в казарме? Сколько убитых? Раненых?

— Это военная тайна,—ответили мы и почему-то мне вспомнились эти слова, сказанные молодым парнем из „деlegationи“. Если вы можете, то пришлите нам врача перевязать раненых товарищей.. Откуда вы взялись?

— Врача послать не разрешает повстанческий комитет. Вот, тут как раз его председатель Ракитин.

Далее Попов передал, что он ехал с отрядом из Архангельска на выручку нас, но отряд был разоружен повстанцами в Березнике. Архангельск помощь дать не может. От имени Губисполкома предложил сдаться, говоря, что всю ответственность берет на себя, а „гарантия“ безопасности, сдавшим оружие, в кармане..

Сделали „перемирие“. Нам дали срок, чтобы обсудить предложение о сдаче.

Снова, как несколько дней тому назад, собрались все, оставив часовых. Сошлись в той комнате, где лежали раненые и больные. Сошлись измученные.

Долго говорили о том, что делать. Некоторые товарищи говорили, что словам Попова верить нельзя, так как вполне возможно, что они продиктованы белогвардейцами под угрозой жестокой расправы; другие, зная близко Попова, утверждали, что Попов не может предать своих товарищей ради сохранения собственной шкуры.

Четыре бессонных ночи... только что закончившийся съезд, на котором пришлось вести долгую и упорную борьбу... утомление... весть о том, что Архангельск дать помощи не может — поколебала некоторых товарищей.

С болью в душе решили сдаться.

Выработали условия сдачи:

1. Немедленная посылка врача в казарму для оказания помощи раненым и больным товарищам.

2. Немедленно освободить арестованных членов Губисполкома и вообще всех арестованных повстанцами.

3. Отправить в Архангельск красноармейцев не разоружая. Если на это не согласятся, то сдать оружие как красноармейцев, так и повстанцев военному комиссариату, а отряды распустить по домам.

4. Немедленное освобождение и гарантия неприкосновенности всем сдавшим оружие и

5. Предоставление нам прямого провода для передачи Губисполкому о всем случившемся, причем разговор может быть при контроле со стороны восставших.

Обсудив все эти условия мы (трое) вышли из казармы к забору, где уже ждали нас: Попов, Ракитин и другие.

На наши условия они не согласились, признав лишь пункты первый и четвертый.

А. Попов настаивал категорически на сдаче, говоря, что все остальное он берет на себя и сегодня же переговорит по прямому проводу с Архангельском.

Опять пошли в казарму... снова заседание..., обсуждение... споры... голосование и большинством голосов мы решили сдаться.

Сообщили свое решение. Наскоро попрытали в песок револьверы и гранаты, патроны спустили в уборную. По одиночке, простившись с ранеными и больными товарищами, стали выходить из казармы.

У выхода нас тщательно обыскивали. Шарили по карманам, ощупывали кругом и.. не отпускали, а вели куда-то...

Начиная от угла казармы, вдоль улицы, стояло две, довольно густые, цепи и взглянув на них мы поняли, что попали в западню. Нас обманули. Тут собрался цвет Шенкурского купечества и чиновничества, офицерство...

А где—же „мобилизованные“?

Они сидят в лесу, в окнах, обманутые... их не смеют допустить сюда, не смеют показать нас... боятся, что мы скажем мобилизованным правду, которую так усердно от них скрывают, раскроем им глаза и покажем истинное положение вещей.

Конечно ни о какой „свободе“ и „гарантии“ не может быть и речи.

Попов сидел на обрубке дерева низко опустив голову. Что он думал что переживал в эти минуты, не побывав в его положении, сказать трудно.

\* \*

\*

## XXIII.

... Цепь белых тянется до самых ворот тюрьмы. „Приветливо раскрыты ворота тюрьмы. С любопытством разглядывают нас высовывающиеся пугливо из-за занавесок лица обывателей. Шутка-ли увидеть людей живыми после стольких дней осады и непрерывной стрельбы... У самого входа стоит офицер Родимов и ударами вталкивает нас в двор тюрьмы. В цепи неспоко смеются. Еще-бы не смеются. Как ловко, аристократически ловко бьет Родимов...

Матерщина... брань... удары... стоны... циничный смех...— все это повисло над площадью у тюрьмы, как призрак недавнего прошлого царизма.

Позади всех идет т. Пластинина. Ее увидел восьмилетний сын Володя, подбежал к матери и она ведет его с собой в тюрьму. Она несет „израненное“ пулями наше знамя, забрызганное кровью товарищей. У входа в тюрьму Родимов хотел вырвать знамя, но она, отскочив в сторону, бросила ему прямо в лицо, гневное:

— Руки прочь! Недостоин ты брать это святое знамя в свои грязные руки...

Обнаглевший черносотенец меньше всего ожидал этого и сразу смешался. Пластинина передала знамя солдату, который стоял тут-же и удивленными глазами смотрел на все происходящее...

Я в коридоре тюрьмы... Темно... Из маленьких „глаз“, на дверях камер, пробивается слабый свет... Лязг ключа... отодвигается с противным, неприятно режущим слух, визгом железный засов... Дверь отворилась... сноп света ворвался в темный коридор... Сильный толчок и я быстро влетел, в буквальном смысле этого слова, в небольшую камеру.

\* \*  
\*

#### XXIV.

Дверь закрыта .. Снова лязг засова... повороты ключа...

Я в тюрьме...

Постепенно осматриваюсь. Небольшая камера с двумя маленькими оконцами. Оконца связаны толстой железной решеткой. Угол печки... стены исписаны разными изречениями... фамилиями... просто бранью...

В камере еще несколько товарищей.

Прошло несколько минут и мы мирно уже раскуриваем, благо кой-кому удалось, каким-то чудом, пронести в тюрьму немного махорки.

Через полчаса поем Интернационал... поем все... поем громко... Далеко несутся звуки международного гимна трудящихся...

несутся в город за тюремные стены... несутся в высь ..оживляют мрачные своды тюрьмы.

Впервые Шенкурская тюрьма услышала в своих стенах такие мощные звуки... впервые услышала песни революции .. песни борьбы... песни мщения...

Тюрьма ожила...

Внимательно слушает часовой... он уже не шагает мерно, как маятник, перед окнами... Стоит. Что то думает... крепко думает... видно, что старается что-то понять, осмыслить... но это, очевидно, не удается и он стоит с жалким, растерянным видом.

Звонок. Позвякивая ключами пробегает по коридору вывальной.

Подхожу к окну.

Идет... сам Максим Ракиятн—председатель комитета восстановивших...

— Начальник караула!—бросает он коротко на ходу.

— Я! Что прикажите?—беря „под козырек“, спрашивает караульный начальник—бывший офицер.

А тюрьма поет:

— Вставай проклятьем заклейменный  
Весь мир голодных и рабов  
Кипит наш разум возмущенный  
И в смертный бой вести готов...

— Прикажете замолчать!.. не петь!.. Чорт знает, что получится!.. Там толпа ломится к тюрьме... Если не замолчат... принять!.. самые решительные меры!..

— Понимаю! Будет исполнено!

— Весь мир насилья мы разроем  
До основанья, а затем  
Мы наш, мы новый мир построим:  
Кто был ничем, тот будет всем...

несется из всех камер.

Несутся мощные звуки... наполняют собой мрачные своды тюрьмы... зовут... оживляют... бодрят...

Не мог выдержать... ушел... звякнул засов...

Мы перестали петь,

Вечером начальник тюрьмы получил строжайшее предписание „рассадить по отдельным камерам вредных элементов: Боговых В. и Ив., Шукшина, Богданова, Грехова“.

Подчинились. Перешли.

Меня перевели в № 3. Маленькая камера... четыре шага в длину два с половиной в ширину... одно маленькое оконце... На стенах, как и в других камерах, самая разнообразная тюремная „литература“

Устроился. На окне забытая кем-то книга: „Полное собрание сочинений Лескова“. Кто ее читал и оставил здесь? Кто с ней коротал долгие дни заключения?

Из темного угла, с засиженного мухам и покрытого паутиной и пылью образа, тоскливо смотрит лик какого-то святого.

Под окном мерные однообразно-монотонные шаги часового.

События последних дней дают себя чувствовать. Ложусь на пол и с наслаждением вытягиваю окаменевшие конечности. Одно мгновение и все поплыло перед глазами...нет тюрьмы, нет ничего...

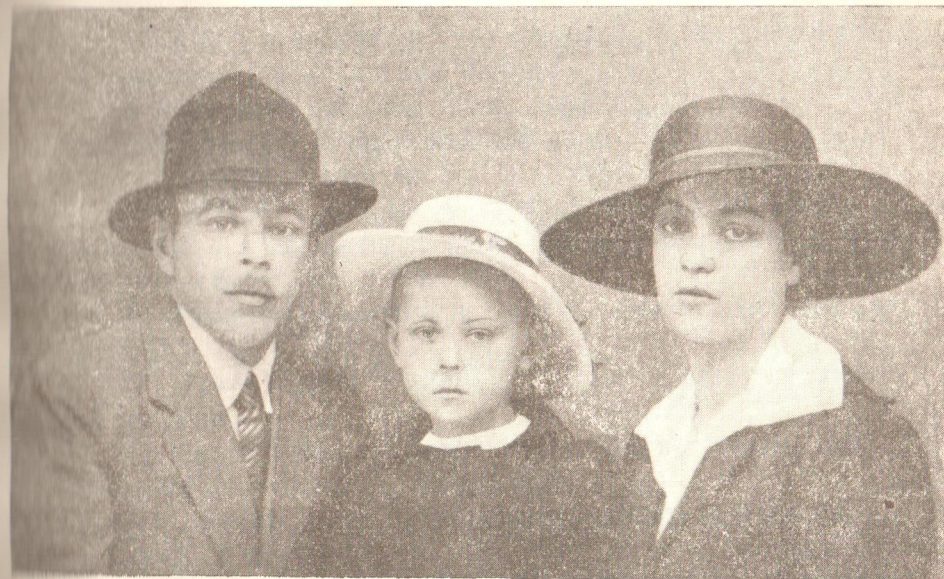
Я крепко заснул в первый раз за последние две недели.

\* \*  
\*

## XXV.

В тюрьме ожидали прибытия Евсеева. Кто такой Евсеев? Этот человек появившийся за несколько дней до восстания в Шенкурске неведомо откуда. Всегда с иголкой одетый, в лаковых сапогах, с хлыстиком. Одним говорил, что он казачий офицер, другим—бывший Саратовский помещик. Кутил, сорил деньгами направо и налево. За несколько дней до восстания его уличили в делании фальшивых денег и когда его хотели арестовать,—скрылся. Теперь он снова появился на Шенкурском горизонте и назначен „командующим всеми вооруженными силами“ восставших.

Пришел. Позвякивая шпорами идет по корридору.



## СЕМЕЙСТВО ПЛАСТИНИНЫХ —

старых большевиков — шенкурят, фактически руководивших организацией Советской власти в Шенкурском уезде.

Володя сидел вместе с матерью в тюрьме в 1918 г.



Попались, подлецы!—кричит он злобно-торжествующе. Я покажу вам кузькину мать!.. Будете болгаться на первой сосне мать вашу...

Отборная площадная брань наполняет корридор.

Он у камеры № 6, в которой сидит т. Пластинина с Володей (ребенку разрешили остаться в тюрьме).

Лязг отодвигаемого засова,—очевидно он хочет войти в ее камеру.

— А а!—доносится до нас,—попалась и ты, голубушка. У, жидовка—плачет по тебе веревка.

И нахальный смех над своей остротой...

Плач Володи. Резкий женский крик:

— Товарищи! Этот подлец бьет меня!

Это кричит т. Пластинина. Евсеев зашел в ее камеру и видя, что она не обращает ровно никакого внимания на его выкрики—начал бить ее плеткой.

— Товарищи! Слышите ли вы?—несется из шестого номера.

Все около дверей, несмотря на угрозы прикладами. Тюрьма негодует.

— Подлец! сволочь!.. вон!.. фальшивомонетчик!.. вон!.. вон!.. вон!..—несется со всех концов.

Шум... крики... плачь.. все слилось в неголующем протесте...

Евсеев в корридоре.

— Караульный начал пик! Начальник тюрьмы! В карцер, жидовку!

Громко стуча каблуками подбежало несколько караульных... рот заткнули тряпкой... Потащили по корридору.

В шестом номере кричит восьмилетний Володя, но дверь камеры уже закрыта и его тонкий детский голосок еле слышен.

Тюрьма долго еще бурлит..

Начальник тюрьмы сменил. Бывший начальник коммунист Глазачев\*) арестован. Начальник тюрьмы назначен кулак С. Басин, оставили только почему-то надзирателей, быть мо-

\*) Убит в бою с шотландскими стрелками в селе Благовещенском, Шенкурского у. осенью 1918 года

жет не знали, что среди них есть преданные Советской власти товарищи, или надеясь на свой караул просто не придали им никакого значения, хотя двое из надзирателей были после тоже арестованы.

Медленно идет время. По ночам начальник тюрьмы не запирает камер, в которых сидели женщины за кражи, убийства, поджоги и т. п., и караульные свободно проходили туда. Тюрьма превращалась в публичный дом.

Несколько раз приходила в тюрьму сестра начальника учительница Басина. Ехидно улыбаясь, поглядывала она на оконца камер. Приятно посмотреть пленников, особенно тех, которые всего несколько недель тому назад на всех съездах, митингах и собраниях клеймили контрреволюционное учительство; которые несколько дней наводили страх на весь город посылая его из казармы свицовым градом.

\* \* \*

## XXVI.

Выпустили на прогулку. Маленький дворик обнесенный высоким тыном-стеной. Ряд грядок с овощами.

В карауле много знакомых из соседних волостей. Начальник караула, бывший офицер, куда-то ушел и караульные делают смелее. Разговариваем с часовыми...

Стыдно... опустили глаза... Что наделали. Пошли за контрреволюционнм офицерством и на кого. На тех, кого сами выбрали, кому верили, кто не на словах, а на деле защищал интересы трудящихся. Пошли на тех, кто не покладая рук, не жалея сил боролся с кулаками и соглашателями... Пошли с оружием в руках... пошли против революции, против самих себя... И как раз в то время, когда Украина корчится в тисках империализма, когда мировой союз буржуазии готовится перейти в решительное наступление против Советской России; когда на Мурмане уже гремели пушки иноземных разбойников, дорогу для которых расчи-

щают восстаниями меньшевики, правые социалисты-революционеры и их хозяйка — буржуазия...

Сначала пытаются оправдаться: усталось от русско-германской войны... оторванность от центра... голод... обещания офицеров... Отуманили... забили...

Нас внимательно слушают... смущаются... Просят простить их за то, что они безсознательно наделали... Клянутся искупить свою вину... загладить...

Агитация среди караула сказывается, Верный нам надзиратель передает, что у белых дезертирство начинает принимать угрожающие размеры. Почти каждый караул приходит из тюрьмы, расходуется по домам, унося с собой оружие и резко порицая деятельность своих руководителей.

Ряды белых тают. Генералы без армии. Оставшиеся волости не примыкают к восставшим...

\* \* \*

## XXVII.

Нас не забыли. Надзиратель передал копию резолюции общего собрания граждан Смотроковской волости.

„Шлем горячий привет в застенки тюрьмы,—говорится в резолюции,—нашим избранникам, стойким борцам за Советскую власть, за социализм“!

Протестуют. Требуют немедленного освобождения. В противном случае идут в город всей волостью и освободят. Клеймят вечным позором руководителей контрреволюционного восстания Ракитина, Родимова и др. Зовут трудящихся уезжать на защиту своей власти.

\* \* \*

## XXVIII.

Тов. Пластинина объявила голодовку. Начальник тюрьмы донес об этом Ракитину отношением за № 149, в котором писал:

„Доношу, что арестованная Ревекка Пластинина объявила голодовку. Мотивы: требует отправить ее в Архангельск, как члена Губисполкома.

Начальник тюрьмы Ст. Басин“.

„Отношение“ было возвращено обратно с надписью на нем:

„Арестована не как член Губисполкома, не как представитель власти, а как человек, осмелевший поднять оружие против народа“.

И надпись „Председатель Комитета Ракитин“.

Передают, что когда Ракитину принесли эту бумажку, то он разсмеялся и заявил:

— Пусть подыхает с голоду! Одним немецким шпионом будет меньше.

\* \* \*

## XIX.

На стенах, на заборах крупным шрифтом:

.. Шенкурская казарма—главная опора Исполкома и красноармейцев—сдана наемниками власти в руки восставшего народа.

...Наемники разоружены и заключены в тюрьму. Арестованы члены Уездного Исполкома и некоторые члены Губисполкома...

Далее сообщается, что „по слухам, из Архангельска, идут отряды красноармейцев, а по тому вся молодежь призывается оказать им активное сопротивление...“

И в конце:

„Зовите другие уезды на помощь себе!“

— Пусть звучит на Севере голос свободно-избранного и свободоо действующего представителя“!

Возстановлено городское „самоуправление“, разогнанное, в свое время, Исполкомом. Во главе его встал член Комитета возставших студент Н. Бейнар.

А. Попов объявлен заложником. Ему заявлено, что он не будет освобожден до тех пор, пока не вернутся идущие для подавления возстания из Архангельска отряды.

Под угрозой расстрела всех находящихся в тюрьме, белогвардейцам удалось добиться от Попова посылки телеграммы из Архангельска отрядам о том, что все уладится мирным путем и требованию возвратится обратно в Архангельск\*)

Но из Архангельска шел с отрядом т. Павлин Виноградов и он не обращал никакого внимания на телеграммы т. А. Попова.

\* \* \*

## XXX.

Время шло. Волости не примыкали. Из отрядов побежали домой. Зажигательные речи А. Иванова никого уже не зажигали. Солдаты с каждым днем понимали все более и более что их обманули, что лозунгом „на борьбу против насильственной мобилизации“ контрреволюционеры прикрыли свое истинное лицо, как ширмой. Вера в руководителей колебалась.

Через несколько дней стало известно, что отряд, под командой Пав. Виноградова, прибыл в Двинской Березник.

Ракитин, захватив с собой т. А. Попова и несколько солдат, выехал „на передовые позиции“...

\*) Вот эти телеграммы: 1) „Прошу передать, если будет отряд из Архангельска, чтобы он вернулся обратно тем-же парходом на границу Холмогорского уезда и держал себя спокойно. Конфликт улажу один. Комиссар Андрей Попов“.

2) „Приказываю всем отрядам красноармейцев, посланных из Архангельска Губисполкомом и Военным Отделом для принудительной мобилизации местного населения, немедленно вернуться обратно в Архангельск. Ответственность за это беру на себя. Комиссар Губисполкома Андрей Попов“. (Дело—Шенкурское восстание—стр. 135, 136, 137).

Остановились в Кицко-Воскресенской волости... Устроили собрание.

Попову было заявлено, что если отряды не вернуться обратно, то все арестованные будут немедленно расстреляны.

В самый разгар обсуждения вопросов: помочь или не помочь восставшим, по улице раздались крики:

— Едут! Едут!

В деревню в'ехала конная разведка (несколько всадников) отряда т. Павлина Виноградова.

Все начали разбегаться по домам. Ракитин, воспользовавшись суматохой бежал. Прибывшие с ним из Шенкурска солдаты сложили оружие.

Попов был освобожден. Через несколько минут он был уже на пароходе, который только что подошел к селу.

Ракитин лесом добрался до берега Ваги и уехал в Шеговары. Здесь между ним и вызванным из Шенкурска к прямому проводу Евсеевым произошел следующий разговор\*)

ШЕГОВАРЫ. У аппарата Ракитин. Кто в Шенкурске?

ШЕНКУРСК. Евсеев. Ну, как успехи?

ШЕГОВАРЫ. В успехе не сомневаюсь. Сейчас иду на сход. Нет-ли поручений?

ШЕНКУРСК. Где Плюснин?\*\*)

ШЕГОВАРЫ. Здесь, сидит возле меня.

ШЕНКУРСК. Поручи Плюснину следить за собой на сходе. Пусть он немедленно даст знать в случае опасности.

ШЕГОВАРЫ. Постараюсь всего избежать.

ШЕНКУРСК. Какие приказания будут для Шенкурска?

ШЕГОВАРЫ. Поменьше нервозности и беспокойства. Успокаивайте публику. Ничего худого быть не может. За это ручаюсь сам. Сделайте проверку заграждений по пути к Шенкурску.

ШЕНКУРСК. Будет все сделано.

ШЕГОВАРЫ. Разведка Виноградова приехала в Кицу, где и столкнулись нос к носу. Мне удалось ретироваться. Попов остался там. Вероятно ведет переговоры с Виноградовым

\*) Восстановлен с сохранившихся телеграфных лент.

\*\*) Офицер—адъютант Ракитина.

насчет возвращения отрядов. Я заявил, что в противном случае всех заложников и арестованных расстреляем. Чем кончатся переговоры—не знаю. Сегодня сам буду в Шенкурске.

\* \* \*

### XXXI.

В одну из ночей из тюрьмы „тайно“ увезли т. т. Пластину и Богданова\*) Подробностей „увоза“ видеть было нельзя и я воспроизвожу их с рассказа т. Пластининой\*\*)

— Ворвавшись ночью в мою камеру,—рассказывает она,—с толпой вооруженных, с ног до головы, людей, офицер Лопатин приказал мне немедленно одеваться и идти, куда прикажут. На мой вопрос—куда, зачем и что будет с ребенком,—он вместо ответа, приставил к виску дуло револьвера и прошипел:

— Ни слова! Иначе расстреляю на месте!

Вооруженные люди, среди которых было несколько бывших офицеров, вслед за Лопатиным также направили на меня свои штыки. В тот момент, когда я хотела проститься с ребенком, меня сзади схватили. Ребенок испугался и закричал. Лопатин приказал заткнуть ему рот, что тотчас-же и было исполнено. Затем мне заткнули рот какими-то тряпками и завязали глаза платком.

Потом поволокли на улицу. Ребенок остался в камере. На улице, у крыльца тюрьмы, стоял тарантас запряженный парой лошадей. Несколько сильных рук бросили меня в тарантас, закрыли мешком и усевшись втроем повезли к перевозу через р. Вагу.

Дул холодный ветер. Начался дождь. Я была в одной блузке и у меня от холода „зуб на зуб не попадал“.

На ст. Устьпаденги среди белогвардейцев был член „комитета“ учитель Проурзин, который заявил, что гарантия, данная сдавшимся, ловкий военный маневр и что „комитет“ решил меня расстрелять.

\*) Уздвоенрук.

\*\*) „Дело о Шенкурском восстании“ показание Р. Пластининой.

Несколько дней возили по верхним волостям, не давая мне не только есть, но даже и пить.

Присхали в Михайловскую волость. Исполком был на своем месте и решил отправить меня в Ровдино. Сопровождавший меня все время белогвардеец С. Малахов\*) наставлял на отправке в Благовещенск, где, по его словам, меня „давно уже ждут“..

Исполком настоял на своем и через несколько часов подали лошадей. Провожать меня поехал один из членов Исполкома.

За деревней, в перелеске, нас уже ждал С. Малахов. Он вскочил в тарантас, направил револьвер на кучера и приказал ему ехать в Благовещенское.

Я выбросила на дорогу свою сумочку, которую каким-то образом захватила с собой из камеры. Он вышел из тарантаса, чтобы поднять ее, а я в это время легла на дорогу и заявила, что дальше не поеду. Пусть, что хотят, то и делают со мной.

Осада... тюрьма, карцер, голодовка и издевательства окончательно подорвали мои силы и я потеряла сознание. Долго ли была в таком состоянии — не помню, но когда пришла в себя то увидела, что Малахов все еще стоит около меня с револьвером. Ему, как выяснилось после, было приказано доставить меня в Благовещенское живой.

Лошади стояли рядом. Ехать в Благовещенск, на верное издевательство, не хотелось. В соседнем поле работали крестьяне. Я начала звать их на помощь. Малахов, очевидно, испугался и отшел в сторону. Я, воспользовавшись его замешательством, вскочила на тарантас. Кучер ударил по лошадям и через несколько часов мы были в Ровдино — в безопасности.

\* \* \*

\*) Сын крупного кулака Верхосуландской вол. Шенкурского уезда.

Вскоре после увоза товарищей в тюрьму явилось две женщины и стали звать Володю идти с ними в город, обещая дать ему гостинцев.

— Ни за что не пойдю! — категорически заявил восьмилетний „политический“, — пусть всех выпускают!

Женщины попытались увести его насильно, но он крепко ухватился рученьками за койку и заплакал.

Поднялся невособразимый шум. Вся тюрьма горит негодованием... протестом...

Перепугавшиеся женщины быстро ретировались.

Никто не спал. Все жила под свежим впечатлением только что происшедшего... негодовали.. возмущались... но стены были немые и глухие..

Глаза хоть шивай — не хочется закрыть. Хочется встать, разломать проклятые решетки и пойти на волю, пойти туда, где ослепленная офицерством молодежь подняла оружие против Советов.. хочется громко прокричать им всю правду... все... все.. разсказать, но... железная решетка брэнка.. даже не гнется... проклятая.

Сажусь около окна, так, чтобы не видел часовой. На улице светло... тихо..

Что это? Часового нет. Не может быть! Напрягаю весь слух... нет... не слышно знакомых, монотонных шагов под окном... Где же он? Что такое случилось? Еще мгновение и я поднимаю осторожно, боясь стукнуть, раму... Плотно прижимаюсь горячим лицом к холодному железу решетки и всматриваюсь. Никого... не видно... не слышно..

Может быть он дремлет около угла. Может быть... что может быть... может быть... десятки предположений, как молнии проносятся в воображении.

— Удрать-бы, мелькнуло в голове, — разломать решетку переброситься через забор, да и в лес... хорошо в лесу ночью... Огромные тени деревьев легли на землю. Кой-где полоски света... Чистый ароматный воздух... простор...

Нет больше сил. Будь, что будет, а в лес... в лес...

Бессознательно, изо всей силы, начинаю трясти железные прутья... Тщетно. Они не поддаются.

В дверь постучали.

— А чорт! Открыли!... Заметили.. Ну, да все равно... Отскакиваю от окна. Потихоньку подхожу к двери.

Стук повторился. Смелый... решительный...

— Товарищ Боговой!—слышу в оконце шопот,—ты не спишь?

Это знакомый голос. Говорит член Исполкома тов. Кузнецов.

— Нет! А что случилось? Почему под нашими окнами нет часового?

— Да и караула в тюрьме нет... Начальник тюрьмы еще вечером ушел в город и тоже не возвратился... У надзирателя Никитина был второй ключ от нашей камеры, который он отдал нам. Камера наша открыта... остальное можно разломать...

Сильный удар чем-то тяжелым... Напор и дверь камеры отворилась. Слабый луч света керосиновой лампочки, горевшей в коридоре, ворвался в камеру и осветил ее убогую обстановку. Свежим воздухом пахнуло навстречу...

Все камеры открыты. Мы в коридоре. Тюремные своды наполнились веселым гомоном голосов.

Не верилось, что мы почти свободны. Думалось, что это очередная провокация белогвардейцев, очевидно, решивших, придравшись к инсценированному побегу, расправиться с нами. Решили быть осторожными, принять все меры к тому, чтобы вторично живыми в их руки уже не сдаваться...

Оружия у нас не было. Надзиратель принес какую-то старую шашку. Вооружили ею одного из товарищей и поставили его часовым к выходной двери тюрьмы.

В город выслали разведку. До ее возвращения решили никого не впускать. Поставили наблюдателя на колокольню тюремной церкви.

\* \* \*

В тюрьме приближаются четверо!—передают с колокольни. Часовой у двери приготовился. Ждем с затаенным дыханием... Вот один из них на крыльце... звонит...

Дверь открыли.

— Что надо?

— Как у вас дела?

— Ничего! А как в городе?

— Ничего опасного. Передали, что идут из Архангельска красноармейцы... Наши ушли к ним навстречу с пулеметом..

— А еще что?

— Все спокойно.. Главное не нужно бояться.. Вы там хорошенько присматривайте за большевиками-то... опасный народ.

— Не беспокойся!.. справимся!..

И он ушел успокоенный.

Одно мгновение молчания и все громко и весело разсмеялись.

— Еще кто-то идет!

— Где?

— Вон, подле забора.

Всматриваемся. Фигура знакомая: идет наш начальник тюрьмы...

Медленно, важно, с сознанием собственного достоинства, поднимается он на крыльцо.. дергает за ручку звонка. Видит в приотворенную дверь одного из наших и, очевидно, поняв в чем дело, хочет повернуть назад..

— Стой! Ни с места! Стрелять буду! — кричит один из надзирателей. Стрелять, а оружия то всего на всего одна старая шашка.

Дрожа и пугливо озираясь он вошел в коридор.

— Иди сюда! — приказал надзиратель Никитин, указывая на середину коридора.

Басин покорно повиновался.

Мы все в камерах и он еще не заметил, что двери открыты.

Вот он стоит посреди коридора, бледный, дрожащий, с выражением кокого-то дикого животного страха в глазах. Куда девалась былая заносчивость? Куда делась былая храбрость? Он стоит перед нами, трусливенький, жалкий...

— Товарищи!.. то.. товарищи.. я, ведь, не против... нет, — говорит он прерывающимся от страха голосом, — я... только.. меня насилу назначили... я... тоже... пр-р-р-олетарий...

— Замолчи! — кричит на него надзиратель Никитин, — ты должен был быть в тюрьме, коли являешься начальником... а сам ушел в город и нет тебя до утра. Здесь, какие-то хулиганы увезли два человека. Никаких бумаг не пред'явили... росписки не оставили... Вот и караул-то тоже ушел. Кто в ответе. Знаю дело ты сумеешь отвергаться. Ты из воды сухой выйдешь, в ступе твоего хвоста не уловишь... А вот ты давал слово Ракитину служить верой и правдой белогвардейцам, так и исполняй. Взялся за гуж — не говори что не дюж. Их вот, арестованных то, больше сорока человек. Вдруг бежать решат, что мы с ними делать будем? А?

Надзиратель так артистически играл свою роль подчиненного, возмущенного поступками „начальства“, что мы еле удерживались от смеха.

И начальник стоял опустив руки и все еще не мог понять что-же произошло то в самом деле?

Наконец он набрался храбрости и обратился к надзирателю:

— Мне кажется, что лучше всего нам пока никуда арестованных не пускать.. А придут требовать, то выпустим... А сами назовемься безпартийными и нас не тронут...

— Но ведь, это подло! — возмущался Никитин, — низко... мерзко. Нарушить свое обещание... Изменить. Так могут только делать продажные людишки, трусы..

Наконец нам все это надоело и начальник тюрьмы водворен „к месту жительства“ — в одну из камер с целым замком.

Начало светать. Всей гурьбой мы идем из тюрьмы. Полной грудью вбираем в себя свежий воздух. Город начинает про-

сыпаться. Разбуженные шумом обыватели выглядывают в окна, но увидев нас — в ужасе отскакивают и скрываются в глубине комнаты.

Разведка донесла, что около города есть еще несколько мелких отрядов. Оставаться в городе не имея оружия и при наличии белогвардейских отрядов не было никакого смысла.

Кто-то сообщил, что в помещении бывшего полицейского управления сидят арестованные. Пошли туда. Дверь закрыта. Несколько сильных ударов и пять товарищей вышли из темного подвала. Их не кормили четыре дня и они еле держались на ногах.

Все вместе решили идти в революционную Смогровскую волость.

Три часа пути и мы среди знакомых крестьян, обрадовавшихся нашему приходу. Несут молоко, хлеб.

\* \* \*

#### XXXIV.

В конце волости стоял уже пароход, на котором ехал в Шенкурск с отрядом из Архангельска т. Павлен Виноградов.

Немного отдохнув мы перешли на пароход и вместе с отрядом направились к Шенкурску.

По дороге встречались небольшие группы белых, но они разбегались от наших первых выстрелов.

Из вышеприведенного разговора двух белогвардейских „воротил“ можно видеть, что они надеялись на возвращение отрядов по „уговору“ А. Попова. Но они ошиблись. Отряды и не думали возвращаться, а упорно приближались к центру белогвардейщины — Шенкурску.

Восставшие мобилизованные начали разбегаться по домам. К моменту прихода Архангельского отряда в Смогровскую волость навстречу ему были двинуты из Шенкурска „главные силы“ (\*), но они почти все „расстаяли“ по дороге.

\*) Как раз в ночь нашего побега из тюрьмы.

Восстание было проиграно. Арестованных и заложников расстрелять не удалось, так реальной силы у Комитета уже не было.

И при приближении отряда в Шенкурску „Комитет“, забрав все денежные суммы, разграбив продовольственные склады и разгромив квартиры членов Исполкома, бежал с верными ему офицерами в Благовещенскую волость, где и скрывался до вторичного занятия Шенкурска (12 августа) на этот раз уже „союзниками“.

Все отделы были разбиты, дела в большей части, уничтожены. Особенно „тщательному“ разгрому подверглось общество членов Исполкома „Смольный“. Там было уничтожено все. В помещении была хорошо подобранная, единственная в то время в Шенкурске, политическая библиотека. Все книги были порваны и сожжены. Также был уничтожен архив Шенкурской охранки (жандармского управления), который бы помещен в одной из комнат и разбирался.\*)

Очевидно кое-то хотел прикрыть свои старые „грешки“ и спрятать концы в воду, так как нами, работавшими над разборкой материалов, было уже раскрыто несколько охранников.\*\*)

\* \* \*

### XXXV.

Снова на заборах:

**ВСЕМУ НАСЕЛЕНИЮ ШЕНКУРСКОГО УЕЗДА.**

Товарищи крестьяне!

Главарь восстания мобилизованных бежал. Введенные ими в заблуждение товарищи солдаты, подлежащие мобилизации в большей части разошлись по домам и

\*) Между прочим уничтожен богатый материал по истории Шенкурской ссылки, подобранный автором настоящей книги и частью уже обработанный для книги „Шенкурская ссылка“. Его теперь уже не воссоздать, а также ценный материал по истории революционного движения в Шенкурском уезде в 1905—6 г. г.

\*\*\*) Иван Боговой—„Из архива Шенкурской охранки“—„Шенк. Сов. газета“, 1918 г., г. Шенкурск.

принялись за свой мирный труд. Некоторые товарищи из мобилизованных являются в город Шенкурск и резко осуждают своих руководителей и только мобилизованные некоторых верхних волостей бежали вместе со штабом, захватив ключи от кладовых продовольственного отдела и уездные суммы.

Город занят Советскими войсками, которые пришли сюда не для того чтобы, обижать трудовое население уезда, не для того, чтобы отбирать у него последний кусок хлеба и пожитки, как это сознательно и бессознательно распространяют слухи, а для того, чтобы по возможности уладить все мирным путем, сказать правду трудящимся о руководителях восстания ставших во главе мобилизуемых и о происшедших событиях, чтобы дать возможность трудовому крестьянству спокойно обсудить их деяния и сказать свое слово.

Красноармейцы не враги наши, они тоже дети трудящихся, они сами вышли из своей среды для защиты революции и ее завоеваний от покушений буржуазии и против вас не пойдут. Не слушайте тех, кто говорит вам противное, кто говорит вам, что Красная армия—продажные люди.

Не верьте им, ибо они говорят потому, что им это выгодно.

Благодаря последним событиями во многих волостях уезда приостановились домашние и полевые работы.

**„ЗАЧЕМ РАБОТАТЬ, ГОВОРЯТ ИНЫЕ, ВЕДЬ ВСЕ РАВНО ПРИДУТ ВООРУЖЕННЫЕ И ВСЕ РАЗГРАБЯТ, ОТБЕРУТ“.**

Исполком призывает вас, товарищи, не слушать провокационных слухов не прерывать работ, так как от них зависит ваша жизнь и жизнь ваших семейств в будущем году.

Спокойно приезжайте на свои поля и луга, сейте, косите. Исполнительный Комитет, свято стоящий на защите ваших интересов, будет оберегать ваш труд—труд честных землеробов.



Подробное описание событий в городе Шенкурске и его окрестностях будет опубликовано отдельно, как только следственная комиссия закончит свои работы.

Для обсуждения вопросов связанных с последними событиями на СЕДЬМОЕ августа нового стиля в гор. Шенкурске созывается Уездный Съезд Совета Крестьянских Депутатов. Исполком, учитывая рабочее время и трудность созыва большого Съезда, решил, что на Съезд должны послать по одному представителю каждый Волостной Совет с населением до 5 тысяч и по 2 представителя от каждого Волостного Совета имеющего население свыше 5 тысяч.

Все делегаты должны иметь при себе необходимые указы: отношение граждан волости к восстанию мобилизованных и его руководителям к освобождению арестованных членов Губисполкома—заложников и выдаче главарей для предания их суду, а также отношение к мобилизации.

**ЛИЧНОСТЬ КАЖДОГО ДЕЛЕГАТА**, к какой бы политической партии он не принадлежал, **НЕПРИКОСНОВЕННА**. Исполком гарантирует личную безопасность каждого делегата Съезда

Председатель Исполнительного Комитета  
Шенкурского Уездного Совета Крестьянских  
Депутатов—*Иван Боговой.*

Секретарь—*М. Шухшин.*

**ОТ ТОВАРИЦА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ АРХАНГЕЛЬСКОГО ГУБИСПОЛКОМА КОМИССАРА ШЕНКУРСКОГО УЕЗДА—П. Ф. ВИНОГРАДОВА.**

Товарищи—Крестьяне! Я послан к вам не за тем, чтобы наказывать вас, как это говорят вам провокаторы из контр революционного лагеря, а за тем, чтобы наказать руководителей восстания мобилизованных, эту подлую свору из господ Ракитиных, Родимовых, Евсее-



**Шенкурский Уездный Исполком (1918 г.).**

Лежат (слева направо): Н. К. Чухин и Коноплев-Майданов; сидят: В. Г. Боговой, А. Я. Тарнягин, Н. М. Кузнецов, Р. А. Пластинина, Г. А. Иванов, Селиванов, Сысоев, С. В. Жданов; стоят (в первом ряду): Н. Севастьянов, Г. Моросов, И. М. Мелкий, И. А. Коноплев, И. В. Боговой, Щипунов; во втором ряду: П. Кожевников, Г. Поздняков, И. С. Кочетов, Варлачев, И. Пономарев, Конечный.



### Шенкурский Уездный Исполком (1918 г.).

Лежат (слева направо): Н. К. Чухин и Коноплев-Майданов; сидят: В. Г. Боговой, А. Я. Тарнягин, Н. М. Кузнецов, Р. А. Пластинина, Г. А. Иванов, Селиванов, Сысоев, С. В. Жданов; стоят (в первом ряду): Н. Севастьянов, Г. Морозов, И. М. Мелкий, И. А. Коноплев, И. В. Боговой, Щипунов; во втором ряду: П. Кожевников, Г. Поздняков, И. С. Кочетов, Варлачев, И. Пономарев, Конечный.

вых и других негодяев РАСХИТИВШИХ НАРОДНЫЕ ДЕНЬГИ, разграбивших продовольствие и внесших застой во все дела, пытавшихся уничтожить Советскую власть в уезде, осмелившихся разогнать Исполнительный Комитет и арестовать его членов и членов Губисполкома.

Я предлагаю всем волостям уезда вынести приговоры с требованием ареста руководителей, арестовывать их везде, а также немедленно освободить членов Исполкома и Губисполкома. Но предупреждаю, что если я встречу где-либо вооруженное сопротивление или противодействие, то слагаю с себя всякую ответственность за то, что может произойти.

Товарищ Председателя Архангельского  
Губисполкома Комиссар Шенк. уезда  
*П. Ф. Виноградов.*

*г. Шенкурск, 1 августа 1918 г.*

\* \*  
\*

### XXXVI.

8—9 августа 1918 года в Шенкурске состоялся чрезвычайный Съезд Советов, на котором первым вопросом стоял вопрос об отношении к только что подавленному возмущению. После длительного и жаркого обсуждения Съездом была принята следующая резолюция:

„Заслушав доклад о возмущении, Съезд находит, что:

1. Всякие выступления против Советской власти есть выступления против Октябрьских завоеваний, против интересов трудящихся.

2. В исключительно тяжелый момент, переживаемый Советской Россией, когда буржуазия всех стран старается потушить разгорающийся пожар мировой революции, Шенкур-

ское возстание мобилизованных, которым воспользовались ставшие во главе контр-революционеры—царские офицеры— есть безумный акт действия против трудящихся в пользу капиталистов, банкирам, помещикам.

Исходя из вышеизложенного С'езд постановил:

а) Немедленно принять меры к аресту главарей возстания, обманувших трудящихся уезда, расхитивших народное достояние и предать их суду Революционного Трибунала, как врагов трудящихся, провокаторски вызвавших мобилизованных на возстание против власти Советов.

б) Потребовать от волостей, в которых они (главаря) скрываются немедленной выдачи их, а также освобождения всех заложников.

в) Для выяснения количества испорченного и расхищенного имущества и денежных сумм избрать комиссию, которой вменить в обязанность сделать подробную ревизию и о результатах довести до сведения населения уезда.

г) По окончании расследования дела о возстании все материалы опубликовать как можно шире.

Так реагировал С'езд на последние события в уезде.

Архангельск был уже во власти белых. Их передовые отряды приблизились к Шенкурску. Работа С'езда проходила с лихорадочной поспешностью.

В конце С'езда решили обратиться от имени С'езда к населению с воззванием. В соседней комнатке, на клочке бумаги, в несколько минут набросали его и единогласно приняли.

Воззвание было отпечатано в типографии за пару дней до занятия Шенкурска „союзниками“.

... Момент, переживаемый Российской Федеративной Советской Республикой, необычайно серьезен. Со всех сторон, оскалив хищные пасти, надвигаются на нас враги. Острая внутренняя борьба, вызванная противниками власти трудового народа, заставляет население сел и городов переносить лишения во всем, часто в самом необходимом.

Этим широко пользуются те, кому власть народа пришлаь солона. Пользуясь народной темнотой, они сеют рознь в среде трудящихся призывая к возстанию против власти Советов этой единственной защитницы прав и интересов трудового народа.

Враги Советской власти всей душой жаждут нашествия на Россию иностранных войск, так как они в них рассчитывают найти поддержку себе. В последнее время, когда все попытки свергнуть власть Советов в России кончились неудачей, когда буржуазия была разбита на всех фронтах, все чаще стали раздаваться голоса о необходимости иностранного вмешательства в наши русские дела. Об этом Керенский, бежавший от лица Октябрьской Революции, теперь настойчиво кричит за-границей и буржуазия ему рукоплещет. Об этом радостно шепчутся у нас в России свои буржуа, свои Керенские всех сортов и мастей.

И вот мы видим, что иностранная буржуазия вняла этим голосам: английские войска высадились на Мурмане и идут дальше, вглубь губернии. Теперь встает вопрос: что будет дальше. А дальше будет то, что всегда бывает в таких случаях.

За войсками на чужую землю всегда спешат высадиться кулаки и мародеры. Опираясь на силу они жадно высасывают лучшие соки страны. Это будет и с нами. Наш богатейший край, — Север России, — куда давно направлялись жадные мечтания иностранных капиталистов, будет обращен в английскую колонию, а население вольного Севера будут лишь игрой в руках наглых насильников.

В Англии все еще не теряют надежды использовать нашу живую силу в качестве пушечного мяса против Германии. Что Германия не замедлит объявить нам войну, если английские войска будут угрожать разрывом хотя и тяжкого, но необходимого для нас брестского договора, — в этом не должно быть сомнений. Значит России так или иначе, а придется снова быть втянутой

в проклятую империалистическую бойню. Значит, свободной России снова придется быть игралищем страстей международных игроков — капитала.

Чтобы избежать этого, Чрезвычайный Съезд Советов обращается к населению Шенкурского уезда с горячим призывом отбросить все розни и прислушаться к голосу своих руководителей — Советов. Мы первые должны будем подпасть власти обнаглевших английских насильников.

Съезд горячо призывает в этот грозный час, откликнуться всех сознательных граждан.

Все, кто может, становитесь в ряды! Докажем международным наглецам, что русская молодежь действительно революционна, что она умеет бороться за себя и за свою свободу.

Б о р у ж и ю!\*

\* \* \*

\*

### XXXV П

Съезд закончил свои работы под грохот пушек. Белые подходили к Шенкурску.

И через несколько дней Исполком эвакуировался из Шенкурска \*).

\* \* \*

\*

### XXXV Ш

Известный Архангельский эсер, член Учредительного Собрания от Архангельской губернии А. А. Иванов, „идейно“ руководивший Шенкурским восстанием в газетке „За народ“

\*) Эвакуации исполкома и первым дням Вельско-Шенкурского направления Северного фронта будет посвящена отдельная работа.—

по вопросу о причинах, цели и характере восстания писал следующее:

— Еще за несколько минут до выстрелов большинство жителей гор. Шенкурска ничего не знало о восстании: ходили какие то слухи, чувствовалось уже в самом воздухе какое-то напряжение, затишье перед грозой, но вряд ли многие предполагали, а тем более знали, что через несколько вот минут весь город будет находиться под обстрелом. Не знали этого, вероятно, и те, кто шел к Шенкурску с ружьем на плече. Вышло так, как всегда бывает в таких случаях: люди ждали перестрелки и сами не верили возможности этого...

Дальше он говорит, что Губернский Съезд Советов принял решение о мобилизации „под влиянием приказаний из центра и агитации заинтересованных в мобилизации лиц“ и поэтому, дескать, мобилизоваться никто не хотел.

— Народ (?) не собирался,— читаем далее,— и не думал даже проливать кровь. Всеми восставшими руководила одна мысль, одно желание: не соглашаться на мобилизацию и с этой целью разоружить латышских стрелков и красноармейцев...

...Захват власти не входит в расчет восставших... Вот причины, вот цели восстания. Никаких других побуждений здесь не было и если неотчетливые (?) люди пытаются осветить это движение как контр-революционное, то они или глубоко ошибаются, или нагло лгут, преследуя свои личные выгоды. За это говорит то обстоятельство, что движение не подготовлялось заранее, а вышло чисто случайным, стихийным...

А в следующем номере, уже после сдачи казармы, он же жирным шрифтом пишет:

— Насильники, вздумавшие угрозами и расстрелами запугать вольных жителей Ваги, находятся за тюремной решеткой. Ясно, что тем, кто поднял руку на родной народ и обогрил ее братской кровью, не место у власти...

— Кто-же заменит эту преступную шайку врагов народа? (Читай Советскую власть—Исполком! И. Б.)—спрашивает эсер А. Иванов и отвечает:

— Сам народ, свободно и без всяких насилий, должен избрать новую власть. А пока же власть передана комитету мобилизованных (состав которого нам уже известен).

Из приведенного видно, что „идейный“ руководитель Шенкурского восстания эсер А. А. Иванов пытался все время подчеркивать „стихийность“ восстания, случайность его и направление не против Советской власти. Насколько соответствуют истине заверения А. Иванова мы будем говорить ниже, а пока укажем на некоторые белые нитки, которыми сшита эта эсеровская ложь.

„Большинство жителей города не знали о готовящемся восстании“. Значит кое-кто все-же знал? Кое-кто был осведомлен об этом? Ведь, так? Знали, очевидно, и в уезде, так как иначе зачем же некоторые люди (?) шли „с ружьями на плечах—к Шенкурску.“ Где-же случайность и стихийность, когда «люди ждали перестрелки»... «Захват власти не входит в расчеты возставших». Значит, только разоружить красноармейцев, а у власти пусть Исполком снова. Тогда зачем через несколько дней эта Советская власть стала „бандой насильников“ обогривших свои руки в братской крови и запугивавшей жителей вольной Ваги“?!

Таковая „случайность“, „стихийность“ и „не контр-революционность“ Шенкурского восстания.

Где-же корни Шенкурского возстания? Чем-же на самом деле оно было? Был-ли это стихийно вспыхнувший протест уставших, измученных империалистической бойней, изъеденных вшами в царских окопах людей против новой мобилизации, или это недвольство было использовано контр-революционерами для борьбы с Советской властью с целью расчистить дорогу союзническому десанту? Была-ли связь руководителей Шенкурского восстания с центрами белогвардейских организаций, или они действовали на свой страх и риск?

На эти вопросы тогда было трудно ответить документально. Можно было только предполагать, догадываться.

Теперь, когда после восстания прошло довольно много времени, когда стало известным то, о чем только тогда догадывались, можно с уверенностью ответить на все вопросы.

Шенкурское восстание не было восстанием случайным, стихийным, как это пытались доказывать меньшевики и правые эсеры, а было заранее продумано, подготовлено и связано в один общий план восстаний, целью которых было дать возможно безболезненно высадиться десанту «союзников» и белогвардейским отрядам вместе с ними соединиться с Колчаком, оперировавшим тогда около Вятской губернии.

Выше я уже указывал на то, что в Шенкурске в первые-же дни возстания легализовалось „Шенкурское отделение союза возрождения России“, которое руководило возстанием и выпускало свой печатный орган (газета „За народ“).

Что-же представлял из себя „Союз возрождения России“ и какую роль в борьбе с Советской властью играла эта организация, руководившая интервенцией и возстанием? Ответ на этот вопрос мы находим в материалах, оставленных в Архангельске правительством Миллера—Чайковского и в книжке В. И. Игнатьева \*) „Некоторые факты и итоги 4 лет гражданской войны—Петроград, Вологда, Архангельск“.

Комитет спасения родины и революции (вернее спасения родины от революции И. Б.) оказался неспособным бороться активно с Советской властью. Отказаться от борьбы никто не хотел. Как же быть? Сил своих мало. Войска „изменили“ и пошли за большевиками. Но тут на помощь нашим контр-революционерам пришли „союзники“, которые после Брестского мира, зачислили Советскую власть в число своих активных противников и считали необходимым всяческую поддержку организациям, ведущим борьбу с большевиками. Вопрос „ис-

\*) В. И. Игнатьев раньше был видным членом партии эсеров, затем перешел к народным социалистам. Был членом Петроградского Комитета этой партии, входил и являлся одним из руководителей „Комитета защиты родины и революции“. Был одним из главных организаторов „Союза возрождения России“ и его работы по подготовке вооруженных выступлений против Советской власти. В 1918 году он готовит восстание в Вологде, а когда это не удается, пробрается в уже оккупированный Архангельск и здесь вначале занимает пост Губернского правительственного комиссара, а затем и члена правительства. Из Архангельска он едет в Сибирь с одной мыслью — единственная ставка наша, социалистов, в борьбе против большевиков это крестьянство“. И в Сибири Игнатьев организует „крестьянские союзы“, но и здесь он видит, что ошибся. Ставка на крестьянство не удалась.

пользования иностранной силы и денег для борьбы с большевиками“ долго обсуждался в партийных центрах. В конце концов было решено „воспользоваться союзническим десантом, как ядром, вокруг которого с'организуются русские боевые силы“ и воспользоваться материальными ресурсами союзников. Для очищения совести оговорились, что союзники не должны вмешиваться в наши внутренние дела. На этом сошлись все: кадеты, народ. соц., эсеры и меньшевики. Вскоре к „Союзу возрождения“ привлекается ряд генералов и начинаются переговоры с союзниками.

— Район нашей деятельности, — пишет Игнатъев, — был определен в границах Петроградской, Новгородской, Олонецкой, Вологодской и Архангельской губ.... военный штаб („союза“) интересовало, с одной стороны, все, что могло служить к накоплению боевых и материальных средств внутри северного плацдарма, и с другой стороны, все, что могло обеспечить реальную помощь союзников.

Но нужны были еще средства. Откуда получались они мы увидим ниже.

Эсеры и меньшевики очень не любят, когда им говорят, что они наемники англо французской биржи, что эти партии — содержанки буржуазии. Ряд подтверждений получения денег от союзников мы находим в книге Игнатъева..

Вот несколько фактов:

..... обратились к Н. В. Чайковскому с просьбой раздобыть денег для издания газеты „Нар. Слово“ из фонда полученного Брешко-Брешковской из американского источника на кул.-просв. работу против большевизма.... (стр. 9).

— И если первая эпоха моей борьбы с большевиками, — пишет он, дала уроки в смысле учета наших неправильных тактических шагов, методов борьбы с Советской властью, уроки в смысле низведения с пьедестала старых революционных течений, уроки в смысле распознавания „богов“, обжигающих горшки революции, то вторая эпоха моего участия в гражданской войне, в борьбе с Советской властью в Сибири, где я работал исключительно с социалистами и крестьянами, привела меня и к переоценке основных предпосылок..

Эта „переоценка“ заставила Игнатъева признать, что они были не правы, искренне раскаялся в своих, стоивших стольких жертв пролетариату, заблуждениях и перейти на сторону Советской власти.

Теперь Игнатъев работает в Москве.

... денежные средства решили брать непосредственно от союзников, поручив генералу Суворову войти в переговоры с ними (стр. 12)... генерал Суворов раздобыл первую сумму от генерала Геруа из английского источника....

.... во французской миссии сказали, что значительная сумма, в несколько сот тысяч рублей, будет переведена через генерала Болдырева.

.... мы взяли от Геруа денег (анг. миссия) (стр. 17).

.... в средствах не нуждаются (в Вологде), так как имеют местный источник — английскую миссию (стр. 20).

.... потребовались новые денежные ресурсы. Денег в кассе Вологодского военного штаба „союза возрождения России“ уже не было — часть их увез для Архангельска Маслов, вологодская часть была израсходована.... Представитель английской миссии Гелесни дал средства (стр. 22).

Итак далее на протяжении всей книги.

При дефеке денег не ладили, ссорились, скандалили. „Среди эсеров, — пишет Игнатъев, — возникло определенное недовольство тем, что союзная субсидия стала проходить не через их руки, а мои, а я выдавал им деньги только для эсеров, работающих в „союзе“... А. Р. Гоц (член Ц. К. эсеров) выразил мне неудовольствие по поводу того, что из 30 т. слишком мало уделено эсерам“....

Но все таки договаривались и на средства союзной буржуазии готовили поход против рабоче-крестьянской власти.

Выше мы указывали, что в район, который охватывал „союз“ входили Северные губернии. Нужно было соответствующим образом „подготовить“ этот плацдарм.

— Методы работы (подготовки), — пишет по этому поводу Игнатъев, — должны были свестись к накапливанию по всей области, к разложению воинских, красногвардейских частей, в добывании оружия из частей и учреждений... Обязательным условием признавалась помощь союзников вооруженной силой, через высадку десантов...

Прежде всего „союз возрождения“ решил посадить в различные советские учреждения „своих людей“. Так, например,

у т. Дзевалтовского работал капитан Гуровский (расстрелян), который выдавал даже литера для проезда белогвардейцам.

В это время из Петрограда по Мариинской системе усиленно эвакуировались военные грузы. Военный штаб „союза“ имел намерение захватить эти грузы и создать тут свою операционную базу. Конечно, имелось ввиду присутствие на Мурмане генерала Пуля и ожидаемая высадка союзного десанта в Архангельске. Всюду были посажены агенты, по всей Северной железной дороге, были организованы ячейки „союза“. Им было дано задание „воспрепятствовать продвижению войск большевиков из Петрограда, если бы район Мариинской системы был захвачен раньше Петрограда“. Одновременно с этим велась работа и по подготовке крестьянского возстания в Новгородской губернии. Работой там руководил полковник Г. (полной фамилии Игнатьев не называет), которого „Союз“ снабжал деньгами и указаниями. В Петрограде «обрабатывались» броневой и минный дивизионы и организовывались районные дружины.

Такова общая схема первоначальной подготовительной работы.

Когда же выступать? Этот вопрос ставился на заседаниях и вызывал разногласия. Так «А. Р. Гоц рекомендовал более сдержанный удар, удар наверняка, при учете всех сил, а генерал Суворов особенно опасался выступления без помощи союзников». На пост будущего главнокомандующего северным районом выдвигался генерал Лечицкий, так как генерала Суворова эсеры считали «для этого поста непригодным».

Переговоры с союзниками велись как Петроградским отделением „союза“ так и центральной организацией в Москве. В центральную организацию входили нар. соц., эсеры, кадеты, причем последние входили и, в так называемый, правый центр, состоящий из кадетов и группы общественных деятелей во главе с Родзянкой (б. Предс. Гос. Думы); кадеты служили связью между „союзом возрождения“ и правым центром. Если „союз“ только еще оформлялся, то „правый центр“ являлся уже организацией законченной и свою боевую рабо-

ту вел через генерала Алексеева и Корнилова. Алексеев у них был председателем совета, а Корнилов главнокомандующим.

Переговоры с союзниками велись одновременно и „союзом“ и „правым центром“.

— Союзники, — пишет Игнатьев, — всех их принимали, всем обещали и всем открывали кредит.

Договориться не могли, Каждый пытался подделаться к союзникам, побольше получить и чем-нибудь дескредитировать в глазах союзников своих „конкурентов“. Авксентьеву и Чайковскому союзники обещали (Нуланс) помощь, высадку десанта в Архангельске, занятие Вологды для занятия плацдарма, давали средства. Одновременно такие-же обещания получил от Нуланса и Савинков и от других представителей союзников „правый центр“. Игнатьев утверждает, что благодаря этим обещаниям „произошло преждевременное выступление Ярославля“. Ответственность за жертвы Ярославля Игнатьев возлагает „на тороватого га посулы Нуланса и Савинкова“.

Между самими союзниками как будто не было твердой договоренности. Например, с Нулансом была договоренность относительно высадки десанта в Архангельске, назначено даже время высадки, но когда Чайковский приехал в Архангельск для предварительных переговоров, оказалось, что командующий английской эскадрой не информирован о переговорах. Такой „разнобой“ в деятельности союзников Игнатьев объясняет тем, что союзники, очевидно, „не были уверены в способности социалистических группировок совершить переворот“. Союзники больше верили кадетам и правым группировкам нежели социалистам, и только „общая политическая конъюнктура заставляла идти их на подмогу социалистам, которым они не верили“.

— Партия — же эсеров, — пишет далее Игнатьев, — работала на два флага — и направо и налево.

Принимая участие в „союзе“ и готовясь к выступлению под его руководством она одновременно тайно готовила пар-



тийное выступление в Самаре, прикрываясь флагом учредилки. Политику эсеров Игнатъев называет „политическим двурушничеством“ и самих эсеров „двуликими Янусами“.

Пока шла организация местных сил и велись переговоры с союзниками центральная организация поставила вопрос о конституции будущей власти. В первых числах июня 1918 года этот вопрос был поставлен на обсуждение центральной организации „союза возрождения“. Кадеты и „правый центр“ настаивали на единогласной диктатуре и в качестве кандидата выдвигали генерала Алексева. Остальные стояли за коллегию в виде директории, перед которой отвечает министерство. После споров, как компромисс, кадеты соглашались и на директорию, но с условием, чтобы председателем ее был военный генерал-верховный главнокомандующий. В конце концов договорились на директории. Персонально в состав будущего „Всероссийского правительства“ были намечены: Н. Авксентьев, Аргунов, Чайковский, Кишкин, Астров и генерал Болдырев. Сибирь была намечена базой, где должна была строиться будущая власть.

Так эсеры вместе с кадетами и царскими генералами делили шкуру еще не убитого медведя.

„Союз возрождения“, ведя подготовительную работу, то и дело наталкивался на различные подпольные организации уже ведущие работу в этой области. В Петрограде английский генерал Гуре вербовал офицеров и перебрасывал их на Мурман через Петрозаводск и через Финляндию причем офицеры перебрасывались за счет английского правительства в распоряжение известного нам генерала Пуля. Там же работал д-р Ковалевский (расстрелян), направлявший офицеров тому же генералу Пулю через Вологду.

Ковалевский имел своего представителя в Архангельске — Томсона (он же Чаплин). Затем идет организация эсера Филоненко (известный авантюрист), который метился в председатели правительства и военные министры; организация кадета В. Н. Пепеляева; организация присяжного поверенного Иванова, который вел работу среди матросов минного дивизиона. Игнатъев говорит, что Иванов работал на германские средства, главноверхом у них был генерал Юденич.

Давая характеристику всем этим бесчисленным организациям готсвившимся к борьбе с Советской властью и претендентам на власть, — Игнатъев говорит, что „все они питались из одного и того же союзнического кармана, и несмотря на общность непосредственной цели, — сломить большевиков, представляли из себя людей ненавидящих друг друга, неверящих друг другу, готовых при первом устремлении к дальнейшему строительству России перегрызть друг другу горло, — что потом и случилось“.

В июле в Петроград приехал представитель Вологодского отделения „союза возрождения“ и доложил, что подготовка к перевороту в Вологде почти закончена, все готово. Ждут высадки десанта в Архангельске. Намечена конструкция власти на Севере, но „не хватает только будущих министров“, так как на месте кроме С. С. Маслова, Дедусенко и Пит. Сорокина других кандидатов нет. Вологда просит Петроград дать министров.

Вопрос обсудили и, решив создать в Архангельское областное правительство, без титула министров, послали в Вологду военного руководителя генерала X (фамилия не называется). Недели через полторы после этого в Вологду был командирован и Игнатъев. Цель командировки, как он сам пишет об этом, — „переговорить о времени ожидаемой высадки союзников, о первых шагах будущего правительства и произвести смотр военной организации „союза возрождения“ в Вологде“. По приезде Игнатъева выяснилось, что „Вологодская военная организация союза является фактически военной организацией эсеров“. Средства давала английская миссия и они шли через эсера С. Маслова. Были организованы эсеровские группы железнодорожников, часть офицеров. Имелся склад оружия. В Череповце имелась районная организация. Конечно при таком положении выступать было рискованно. Игнатъев говорит, что он „собрал совещание эсеров и указал на недопустимость замыкания в рамках партии, когда работа ведется от имени и на средства „союза возрождения“ и предложил ряд конкретных мер для расширения работы“.

Маслов и Дедусенко уже были в Архангельске. В Вологде всей работой руководил эсер А. В. Турба (расстрелян). Политический центр (Вологодский) „союза“ был совершенно оторван от военной организации.

В Архангельске Игнатъев застал Н. В. Чайковского. Чайковский, как кандидат в министры „Всероссийского правительства“ должен был ехать в Сибирь, но соблазнившись постом главы будущего правительства Северной Области остался в Архангельске. Сразу же, по приезде Игнатъева в Архангельск, здесь состоялось совещание, на котором кроме Дедусенко, Маслова, Чайковского и Игнатъева присутствовал еще А. А. Иванов — эсер, член Учредительного Собрания от Архангельской губернии. На совещании было решено именовать будущее правительство „Верховным Управлением северной области“, а членов правительства называть не министрами, а управляющими отделами. Была также принята декларация, опубликованная после в первые дни после переворота.

— В Архангельске велись усиленные переговоры с союзниками, — пишет Игнатъев, — и англичане, и французы обещали свою поддержку, настаивая на одновременной высадке десанта и переворота посредством организованных сил Архангельского Отдела „союза возрождения“.

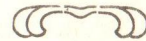
Маслов через Чаплина вел переговоры с Ковалевским. Усиленно работал полковник Чарковский. Вооруженную силу составляли: конный дивизион под командой офицера Берга и небольшие крестьянские отряды. „В деньгах недостатка не чувствовалось, так как источник их — миссии находились тут же“....

Так шла подготовка. Когда мы будем писать историю оккупации Северного края мы подробнее остановимся как на периоде „накопления сил“ белогвардейщины, их планах, провале в Вологде и Архангельском „сидении“, а здесь мы только изложением соответствующей части книги В. И. Игнатъева набросали картину подготовки белогвардейских сил к оккупации Северного края и наступлению на Советскую Россию. Из Архангельска они определенно хотели соединиться с Колчаком.

Об этом говорят десятки и сотни имеющихся в нашем распоряжении документов.

Шенкурское возстание — одно из звеньев общей цепи намечавшихся возстаний, было организовано „Союзом возрождения России“. Да, в этом после сознался и сам А. А. Иванов, когда в газете архангельских эсеров и „союза возрождения“ писал, что он был командирован Архангельским Отделением „Союза возрождения России“ в Шенкурский уезд, „для вербовки крестьянских отрядов и подготовки возстания против большевистской власти“. А. Иванов с удовлетворением отмечает чрезвычайную активность б. офицеров „Но, — и сожалеет он, — возстание было проиграно. Рано начали. Нужно было вачать одновременно с высадкой союзнического десанта в Архангельске. Но тут вина не наша — необходимо было использовать настроение мобилизуемых“.

Таковы цели и смысл Шенкурского возстания.



## Российская Коммунистическая Партия (большевиков).

---

---

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

### ТОВАРИЩИ РАБОЧИЕ И КРЕСТЬЯНЕ.

Восемь месяцев тому назад вы свергли правительство предателя рабочих и крестьянской бедноты, правительство Керенского, продолжавшее кровавую бойню, затеянную фабрикантами и помещиками ради своих хищнических интересов.

Мощными взмахами вы опрокинули это предававшее вас правительство и своими мозолистыми руками взяли власть в свои собственные руки, создали Советы и стали хозяевами своей судьбы.

Могучий крик вырвался из вашей истерзанной и истекающей кровью груди: „долой империалистическую войну! довольно проливать рабоче-крестьянскую кровь за интересы богачей!“. Вы жаждали мира для трудящихся всего мира, мира справедливого. Но австро-германские захватчики, поддерживаемые германскими соглашателями навязали вам тяжелый ужасный мир.

Истерзанные, изголодавшиеся и обезсиленные, вы с проклятием на устах подписали этот мир — в надежде передохнуть, окрепнуть и с новой силой вступить в борьбу, во имя освобождения трудящихся из когтей капитализма, с хищниками и угнетателями.

Страшной ненавистью запылали сердца эксплуататоров, которые решили угодить Советскую Республику в вашей собственной крови. Притаившиеся гады, обезземеленные помещики, лишшающиеся фабрик фабриканты, преследуемые мародеры и кулаки шинят в своих углах, поднимают голову и стараются распыть рабоче-крестьянскую власть и вернуть себе утерянное владычество над тружениками. Своими грязными напуганными руками в вашей крови руками они стараются воткнуть на вашей шее петлю.

## II

Чехо-Словаки в Самаре и Сибири помогали им совершать это черное, злое дело. Но это не удалось. Рабочие и крестьяне в тех местах дали решительный и мощный отпор этим бандам контр-революционеров, которые, потерпев там поражение, решили посягнуть на ваш волюный Север, являющийся в настоящее время лакомым куском для империалистов всех стран.

В Архангельск то и дело прибывали вооруженные отряды сербославян и итальянцев, которых ваш Губернский Исполнительный Комитет безкровно обезоружил и удалил из пределов губернии.

На Мурманское побережье прибывают банды белогвардейцев из Финляндии под руководством немецких офицеров.

На побережье Белого моря высаживается англо-французский десант.

Товарищи—крестьяне и рабочие, вы видите, как буржуазия всех стран, при явной и тайной поддержке нашей буржуазии и всех ся прихвостней, хочет вас, сынов вольного Севера и свободных граждан Российской Федеративной Советской Республики, сделать своими рабами и лишить вас земли и всех кровью добытых завоеваний Октябрьской Революции.

Дабы вы не подвергнулись участи крестьян и рабочих многострадальной Украины, где соглашатели отдали судьбу труженников в руки немецкого империализма, который возстановил в правах помещиков и фабрикантов, отнял землю у крестьян и наделил ею помещиков; где крестьяне и рабочие не желая отдавать своих завоеваний хищникам, вступили с ними в отчаянный бой, несмотря на то, что против них вооруженных кольями и топорами выступили немецкие уланы смерти, партия Коммунистов (большевиков) призывает вас, товарищи, быть готовым к организованному отпору всех врагов, кто-бы они не были, стремящихся посягнуть на наш родной волюный Север.

Для этого надо иметь реальную организованную вооруженную силу.

С этой целью 2-й Губернский Съезд Крест., Рабоч. и Красноармейских Депутатов постановил объявить мобилизацию для создания Архангельского полка, который должен защи-

## III

щать от врагов завоевания революции, свои очаги и свои семьи.

Партия Коммунистов, стоящая на страже завоеваний революции и интересов бедноты, ни на минуту не забывает о тех трудностях, с которыми сопряжена мобилизация в настоящую страдную пору, но интересы революции, интересы трудящихся заставляют ее призвать вас горячо откликнуться на постановления 2-го Губернского Съезда Кр. Раб. и Красн. Депутатов.

Товарищи, чем сознательнее вы отнесетесь к этому, тем легче вам будет отстоять свои завоевания.

Товарищи, кому дороги завоевания революции, **ВСЕ Б ОРУЖИЮ!**

Да здравствует самозащита трудящихся!

Да здравствует международный Совет Раб. Кр. и Крас. Депутатов!

**ДА ЗДРАВСТВУЕТ III ИНТЕРНАЦИОНАЛ!**

**ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОЦИАЛИЗМ!**

Шенкурский Уездный Комитет  
Партии Коммунистов (больш.).

Шенкурск, июль 1918 г.

## Борьба с буржуазией и мобилизация.

Есть у нас в деревнях такая пословица: беда не ходит одна. Как раз она, эта пословица, и подходит к переживаемому нами моменту: десятки, сотни бед и несчастий обрушились на трудовой народ.

Чехо-словаки и правые эсеры захватили Самару, правые эсеры и меньшевики привели немцев на Украину, чтобы освободить ее от Советов и отдали ее в железные лапы немецкого наймита—Скоропадского; беспокойно опять на Дону, на Дальнем Востоке и Сибири; бывшие союзники, своими жадными щупальцами, добираются до единственной отдушины через которую Советская Россия еще может сноситься с заграницей—Архангельской губернии.

Какой-нибудь темный крестьянин, прочитав это, скажет: „это далеко от Шенкурска, пускай берут, только бы нас не трогали, какое нам дело до них—все вот говорите, да говорите, а вот лучше-бы хлеба дали“.

Глубоко ошибается тот, кто по темноте своей, так говорит.

Не забывайте, что у нас своего хлеба не хватит. Откуда же взять его? Из Украины, Сибири, Самары, Дона? Но ведь там немцы. Где буржуазия—пароходное и железнодорожное движение приостановлено и хлеба достать оттуда нельзя.

Было голодно, а тут еще голоднее будет.

Следовательно для нас в далеких деревушках Шенкурского уезда не должно быть безразлично то или иное положение.

Вы видели уже, что сделано на Украине. Земля опять в руках помещиков, вводится барщина, нет и помину ни о каких свободах. Тоже самое хотят сделать и с нами. События последних дней говорят нам за то, что всемирный союз буржуазии ополчился на русскую революцию, думая, задушив ее, спасти себя и свои капиталы.

Центр тяжести войны трудящихся против буржуазии переносится на наш Север.

Вот почему 2-й Архангельский Губернский Сезд Советов Крестьянских и Рабочих Депутатов, учитывая положение Советской России вообще и Севера в частности постановили дать гравю вновь избранному Губернскому Исполнительному Комитету в случае надобности произвести мобилизацию.

Вот почему теперь призываются в ряды защитников революции стойкие борцы.

Вот почему в Москве, в Петрограде и других городах, где кипит бой между бедной и богачами, произведена частичная мобилизация.

Призываются крестьяне и рабочие, так как никто в этом деле, в деле беспощадной борьбы за свои права, за землю и волю не поможет.

Ни одной винтовки, ни одного патрона в руки буржуазии, в руки врагов трудового народо-соглашателей, ибо они обратят их против трудящихся!

Мы против немецкой белой гвардии, а они в одних рядах с ними; мы против кулаков, скрывающих запасы хлеба, а они за этих кулаков потому что сами в большинстве кулаки или по имущественному состоянию или по идее; мы против генерала Краснова, Дутова и др. помогающих немецкой буржуазии, а они встречают их с цветами.

Значит нам с ними не по пути; значит они кровные враги наши.

Теперь они опять начинают говорить об учредилке. Даже чехо-словаки говорят, что и они добиваются Учредительного Собрания для России.

Подумаешь какие нашлись благодетели!

Но голодный народ знает, что учредилка ни одного лишнего зерна хлеба не даст голодающему, а только скорей отнимет у трудящихся права добытые Октябрьской Революцией, отдаст все в руки буржуазии.

Трудовой народ не допустит даже говорить о воскресении этого уже разложившегося трупа учредилки и зовет всех тесней сплотиться вокруг Советов.

Советы—власть рабоче-крестьянская—одни только Советы, подняв к оружию всех любящих революцию, не желающих растаться с землей и волей, не желающих жить под игмом, под

палкой буржуазии чья бы она не была своя, немецкая или английская безразлично, смогут справиться с всемирным союзом буржуазии, смогут отстоять завоевания трудящихся.

Исполнительный Комитет, стоя на страже ваших интересов, призывает Вас смело встать в ряды, взять винтовки и решительно заявить: „прочь с дороги, мы, а не вы хозяева“.

Буржуазия, деревенские кулаки и соглашатели, которых мы не пустим в ряды защитников революции, никуда не уйдут.

Мы заставим их, согласно постановления Губернского Съезда, рыть окопы, исправлять дороги, засеять наши поля, косить пожни. Мы возьмем их капиталы для содержания наших семейств, мы возьмем их скот, их машины для обработки наших полей.

В этой борьбе, товарищи, мы не будем одиноки.

Беднота всего мира уже поднимается и как Тарас Бульба ответил на стоны своего умирающего на плахе сына „слышу сыне“, так и беднота-пролетариат всего мира в ответ на наши стоны уже отвечает: „слышу“.

Недалек тот день когда весь мир возстанет против угнетателей, против буржуазии и нам только нужно продержаться до этого дня.

Это наш долг перед революцией, перед нашими заграничными братьями, перед нашим потомством.

Итак, товарищи, все кто способен носить оружие, кто не хочет быть рабом, а мы ваганы рабами никогда не были и не допустим этого, кто не хочет самодержавной плети — идите в ряды защитников своих хат, своего поля, своих детей.

Безпощадная борьба с всемирной буржуазией, кулаками и соглашателями.

*Да здравствует массовой красный террор—убийство врагов трудового народа!*

*Да здравствует полнейшее уничтожение буржуазии!*

*Да здравствует диктатура трудящихся!*

*Да здравствует всемирная революция!*

Иван Боговой.

